

Алексей Иванович Дьяченко

Человек

Сборник рассказов-2

Алексей Дьяченко

Человек. Сборник рассказов-2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18324928

ISBN 9785447470463

Аннотация

Книга о нас с вами. Человек в быстро изменяющемся мире – главный герой пятидесяти двух рассказов, собранных под одной обложкой. Повесть, рассказы, полные трагизма и трагикомизма истории ждут вашего внимания. Рекомендуется для чтения тем, кто хочет стать человеком, кто считает себя таковым и даже тем, кто утратил надежду остаться оным.

Содержание

Поезд мечты	6
Показалось	9
Помог	11
Помощница	16
Поэзия и проза	19
Пределы	23
Привычка	27
Прилежный ученик	34
Принципиальный разговор	47
Друзья	55
Приятная беседа	58
Прокурор в юбке	60
Пророчество цыганки	63
Проститутка	66
Психотерапия	69
Расстроили	78
Рассуждения	81
Реализованный шанс	83
Ругатель	87
Рукодельница	89
Русалка	92
Рыбачка	96
С носом	101

Саломея

103

Конец ознакомительного фрагмента.

104

Человек
Сборник рассказов-2
Алексей Дьяченко

© Алексей Дьяченко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поезд мечты

Летом, ближе к отпуску, все поезда идут на Юг. Согласитесь, хорошо куда-нибудь ехать на поезде. Ещё лучше если не куда-нибудь, а в тёплые края. В вагоне суета, кто-то ест курицу, кто-то ходит по вагону. Продают газеты и шоколад. Взволнованная проводница разносит чай, держа по пять стаканов в подстаканниках, в каждой руке.

И прекрасная попутчица по имени Галя смотрит ласково. Ей весело, ей интересно жить. Мы молоды, нам нет преград ни в море, ни на суше. Мы улыбаемся, глядя на отягощённых заботами людей, впереди у нас приключения.

За окнами проносятся полустанки. На станциях, где поезд останавливается, предлагают варёных раков и кукурузу. И много новых запахов, людей, ощущений.

Совсем недавно мы были с Галей незнакомы. А теперь я сижу рядом, пью пиво, ем раков и слушаю её. А она, отламывая маленькие кусочки от шоколадки, подаренной мной, рассказывает интимные подробности своей жизни.

Никакому духовнику не исповедуются с такой охотой, как незнакомому человеку, попутчику. При других обстоятельствах я бы встречался с ней месяц и вынужден был бы водить её в театры и рестораны, прежде чем она позволила бы взять себя за руку, но в дороге, в поезде, всё происходит стремительно.

Не прошло и часа, как заплакала она на моём плече в тамбуре, куда мы вышли покурить. Стала уверять, что мечтала обо мне, нескладном, нелепом, но уже таком дорогом. И чувства её были искренни. Как это объяснить? Чем? Не возьмусь, не в силах.

Пусть учёные умы, психологи, чей мозг затвердел от перечтений Юнга и Фрейда, ломают над этим головы. А мы целовались, не обращая внимания на шмыгающих туда-сюда пассажиров, и не было в ту минуту на земле никого счастливее нас.

Что это за прелесть, железные дороги! Кто их выдумал? Был бы я поэт, какие бы я строки посвятил перестуку колёс, чайной ложечке дребезжащей в пустом стакане, прелестной попутнице. Это колдовство! Это магия!

И не надо продолжения. Продолжение всё испортит. На тёплом Юге будут новые встречи, новые страсти, новая любовь. Вернёшься в Москву, встретит скверный дождь или же снег, величественно падающий хлопьями – всё уже не то. Закружат дела, замучают заботы, не останется времени даже для того чтобы улыбнуться. Тем более на то, чтобы заводить романы. Нет, Москва осенью не для романов, не для нежных чувств. На каждом шагу суета, колкий взгляд, гримаса усталости.

Только Юг с его неспешностью, мягкостью, сладким ветром, подлечивает раненую душу. Только там уставшее, закрепощённое тело отдохнёт и расслабится. Не жалейте денег

на отдых! Весь год в холодных московских квартирах вас будут согревать тёплые воспоминания.

И не только вас, но и ваших друзей, мечтающих, страдающих, но так и не получивших того, что получили вы.

Их «Поезд мечты» безвозвратно ушёл, а у вас всё впереди.

До следующего лета

7.09.2000 г.

Показалось

Весной это было. Зашёл Михаил Обиходов в Зоологический музей. Походил у касс, посмотрел картину, на которой два белых медведя рычали над умерщвленным ими же морским котиком. Окинул взглядом гардероб, скамейки стоящие у стен – и всё не мог сообразить, за каким лешим его туда занесло.

В музее было много детей. Они бегали, кричали, смеялись, вели себя так, точно пришли на новогоднюю ёлку. Обиходову захотелось вместе с ними бродить по залам, смеяться, кричать, но он вовремя вспомнил, что под курткой, которую придётся сдавать в гардероб, не свежая рубашка, с разводами от пота. Ему бы выйти из музея и идти своей дорогой. Туда, куда он шёл, на Тверской бульвар, фланировать после обеда. Он же всё слонялся по предбаннику Зоологического музея, словно на что-то надеясь и чего-то ожидая.

Ждал и дождался. Заметил сидевшую на скамейке девушку с инвалидной палочкой в руках. Поймав на себе его пристальный взгляд, девушка покраснела. Михаил тотчас влюбился. Представил её тяжёлую жизнь, страдания и муки. Принял решение подойти, познакомиться, а если получится, то сразу же и объясниться. Решил всё это сделать сразу же, как только оденутся и отойдут маячившие перед ней люди.

«Сейчас подойду и представлюсь, – размышлял он, – или

лучше извинюсь и присяду. С чего бы начать? Как заговорить с такой молодой, но уже так много пострадавшей?». Он терялся в догадках. «Необыкновенная! Любимая!» – Кричало сердце из груди. Но, вдруг... Что это? Девушка встала и отдала инвалидную палочку старушке. «А-а, понял, – твердил про себя Обиходов, – стесняется, хорошая моя, хочет понравиться, а у самой больные ножки. Без палки то, наверное, как тяжело».

Он рассматривал её ноги и всё более убеждал себя в том, что они хоть и молодые, стройные, но непременно больные. Однако девушка на больных ногах ходила очень бойко. Старушка же, принявшая от неё палочку, напротив, еле передвигалась, из чего выходило, что больные ноги, конечно, у неё.

Михаил отказывался верить собственным глазам. Он не желал такого простого разрешения своей любовной страсти. Здоровую отчего-то любить не хотелось. Здоровая, не заслуживала его страстной любви.

Сомнений быть не могло, девушка взяла бабушкину палку на время, пока та надевала пальто и сделала это конечно произвольно и никак не умышленно.

– Вот тебе и – на! – Сказал Обиходов, выходя из музея, и направляясь в сторону Тверского бульвара. – Как, однако ж, быстро любовь проходит.

Помог

Муж с женой Смекалкины, собираясь в гости, толкались в прихожей.

– Его, не сегодня-завтра, отчислят, – кричала Нина Васильевна, впопыхах накидывая на себя плащ. – С таким трудом его в этот математический лицей устроила. А у него уже четыре двойки по главному предмету. В лучшем случае разрешат перевестись, а то просто вышвырнут с позором.

– Выгонят, пойдет в другую школу, – спокойно отвечал ей муж. – Поторапливайся. Мы уже прилично опаздываем. Дед с внуком позанимается и «хвостов» не будет. Правильно я говорю, Василь Игнатьевич?

– Идите. Начальство ждать не любит, – выпроваживая зятя за дверь, сказал «дед».

– Хвосты, хвосты, – поправляя кончиком мизинца заломившуюся ресницу, мурлыкала Нина Васильевна. – Учти, оболтус, еще один «лебедь» и поплывешь вместе с ним к тем, по кому колония плачет. Пойдешь к наркоманам в обычную школу. Убьют тебя там. Плакать не стану.

– Еще как станешь, – приглушенно процедил лицеист, закрывая дверь за матерью и, обернувшись к деду, дал волю эмоциям. – Училка – дура, говорит, прими на веру. А я ей: «Вы советскую власть на веру приняли, а теперь историк уверяет, что она – порождение дьявола. Если вы настоящий учи-

тель, то объясните, своему ученику. Я пойму. На всю жизнь запомню. Да, и вас добрым словом вспоминать буду». Сама ничего толком объяснить не может. Как на веру принимать математику? Это же не Господь Бог. Правильно рассуждаю?

– Давай, успокойся. Принц скорби. Расскажи без эмоций, что учительница не смогла или не захотела тебе объяснить.

– Она уверяет, что минус, помноженный на минус, в результате дает плюс. А разве такое возможно? Я понимаю так. Если плохое умножается, то хорошего не жди. Хорошо от этого может стать только мерзавцу, да и то, если он за всем этим наблюдает со стороны. Разве я не прав? Если плохое умножать на плохое, то уж хорошего из этого точно не получится.

– У тебя, Василек, гуманитарный склад ума. У Пушкина в «Маленьких трагедиях» поверяли алгеброй гармонию. Что же, нелегкая у меня задача. Придется при помощи гармонии объяснить тебе законы математики. Лет эдак, сорок назад работал я в одном научно-исследовательском институте и был у нас там директор – Галактион Андреевич Рубль. Да, да. Такая фамилия была. Среди нас, молодых специалистов, он пользовался исключительно дурной славой. Поговаривали, что в молодости у него была безумная взаимная любовь, которую он предал ради карьеры. С тех пор достиг заоблачных чиновничьих высот, но печать предательства своего истинного чувства раз и навсегда закрыла ему двери в храм высоких отношений с женщинами. Я не слыш-

ком высокопарно говорю? И поэтому житья от него, упыря, никакого не было. В особенности доставалось женатым и замужним. Ненавидел. Придирался. Житья не давал в самом прямом смысле этих слов. Вычеркивал семейных из очереди на жилплощадь и вписывал на их место холостых. Считая, что семья и наука вещи несовместимые. И была в институте младшая научная сотрудница Полина Полушкина. В молодости болела, врачи и родные были уверены, что умрет, но выздоровела и сразу после школы пришла в институт. Работала лаборанткой, затем... Но, все это не важно. Важно то, как себя вела, а также и то, что между нами, сотрудниками, сложилось твердое убеждение на ее счет, что лучше бы она... Та-во-с. Ну, ты меня понял. Настолько вредная была барышня, что словами не передать. В институте, таким образом, образовалось два центра зла. Два абсолютных минуса. Галактион Андреевич и Полина. Два демона, два монстра, которые рано или поздно должны были встретиться в смертельной схватке, только затем, чтобы перегрызть друг другу глотку. Тут необходимо уточнить, что друг друга они ненавидели больше, чем всех остальных институтских. Дело в том, что у Полины отец был начальником отдела. Эдакий современный Кулибин. Внешне неповоротливый, медлительный, но имел на плечах золотую голову и, конечно, не мог не раздражать завистников. С него все и началось. Он-то и сделался камнем преткновения. Чтобы не забивать тебе голову ненужными подробностями, поясню просто. Изобрел он «Важную

вещь». Все это сразу поняли и захотели примазаться. Когда не получилось, решили попросту оттеснить, а эту «Важную вещь» выдать за свою. И у них почти получилось. «Кулибин» от схватки самоустранился. Как с гениями это часто бывает, вся энергия ушла на открытие, на то, чтобы бороться с подлецами, не осталось сил. И вот, тут на авансцену вышла его доченька. Уже известная тебе Полина. Полагаю, ей просто причина была нужна для скандала, а уж о правах отца она в последнюю очередь думала. Как бы там ни было, это был поступок. Возможно, первое и единственное в ее тогдашней жизни доброе дело. Ворвалась она в директорский кабинет, как Советская армия в Вену, и давай бушевать и скандалить. Замечу, что с Галактионом Андреевичем и тихо разговаривать в институте никто не смел. Все только указания получали и безропотно, беспрекословно их исполняли. А тут такое! Все слышавшие, что в директорском кабинете творилось, думали, убивают друг друга. Ор стоял такой, что стекла в рамках дрожали. Блокадница баба Маня бросила тряпку с ведром, убежала, спряталась, вспомнила бомбежки. Долго кричали, а потом затихли. И все. Все в институте изменилось. Все произошло молчком. Догадываться стали после того, как ИРЧ, так мы сокращенно звали нашего Галактиона, Изверг Рода Человеческого, разрешил Полушкину свои идеи воплощать. И Полина как-то подозрительно стала потише, помягче себя вести. И ИРЧ утратил свой «взгляд Василиска», которым всеобязательно сверкал на подчинённых при обще-

нии. И только тогда наши недоумения разрешились окончательно, когда они объявили о своей свадьбе. Все это более походило на сюжет для романа, нежели на правду. А что касательно нас, институтских, то просто радуга появилась над ратным полем. В начале никто не поверил, а когда поверили, уже и не знали, радоваться этому событию или горевать. Ей двадцать восемь, ему семьдесят два. Вместе – сотня. И тут угадал Рубль, ничего не скажешь. Полина вскоре родила ребенка. Материнство пошло ей на пользу. Совершенно переменялась. Сияющие любовью глаза, улыбка, которую невозможно спрятать. Счастливый смех. И «наш» опростел. Джинсы на нем увидели, курточку с футболочкой веселого цвета. Виноватая, но от этого не менее счастливая улыбка. Ни дать, ни взять, ковбой Клинт Иствуд, получивший Оскара. И ребенок – куколка, загляденье. Бывают же такие чудеса. А ты говоришь: «Не верю». Вот! Сама жизнь показывает. Жили порознь два злодея, два «абсолютных минуса», а соединившись, преумножившись, стали стопроцентно положительной парой. Хорошими, добрыми людьми. Не знаю, помог я тебе или нет, но других примеров не припомню.

На следующий день Василий Смекалкин оставил математический лицей и перевелся в лицей с гуманитарным уклоном.

9. 10. 2010 г.

Помощница

Была в моей жизни такая женщина – Александра Теплякова, с которой постоянно, в течение трех лет играл в шашки.

В шашки я играл хорошо, всех обыгрывал. Играть научил меня отец, он относительно неплохо играл. К десяти годам я стал его обыгрывать. Обыгрывал всех во дворе, в пионерлагере. В четырнадцать лет записался во дворец пионеров на Ленинских горах. Преподавал мне Носков Анатолий Алексеевич, который на чемпионатах мира постоянно занимал второе место. Ему тогда было двадцать семь лет. Он мне казался старым дядей. В три часа дня я туда приезжал, в девять вечера возвращался домой. Я сознательно уезжал со двора, чтобы не нарываться.

К тому времени я уже состоял на учете в детской комнате милиции, колонией пугали. Раза два мне нос разбивали, я кому-то что-то разбивал. И всегда это заканчивалось милицией. У других как-то обходилось, а я как вмешуюсь в драку, так закончу день в отделении. Маму вызывали, в школу бумагу отправляли. Так что шашки для меня стали спасением.

Чем мы там занимались? Сидели и играли в шашки. Нам рассказывали теорию, показывали комбинации, разъясняли законы шашек. В шашки я проиграл с четырнадцати до шестнадцати лет.

Жизнь, она как шашечная партия. Мой тренер по шашкам говорил: «Чтобы правильно сыграть партию, надо правильно начать». Он прав. Надо правильно сыграть дебют, развить наступление, все подготовить. И вот в конце, когда у тебя правильная позиция, правильно расставлены шашки, ты делаешь блестящий эндшпиль и выигрываешь партию.

И вся прелесть игры проявляется только тогда, когда у тебя сильный соперник. Если слабый, не сможешь показать красоту игры. Раз, и – все. Раздавил, выиграл. А если сильный, такой же, как и ты, то это уже танец, красота, полет мысли.

Ты разворачиваешь наступление своё, он своё. Вы понимаете друг друга. Идет противостояние. Думаете, оно заканчивается блестящей победой? Нет, ничьей. В девяносто девяти случаях из ста – всегда ничья. Да. Но, зато удовольствие получили и вы, и противник. Потому что главное в шашках это не победа, а наслаждение от высокой игры. Точнее сказать, когда есть хорошая игра, то не важна даже победа.

Каждую субботу, ровно в семь часов вечера к Сане приезжал и ровно в десять часов утра, в воскресенье, я от нее уходил.

Утром завтракал один, она любила в выходные поспать до полудня. Сознаюсь, в шашки играли на деньги. Тут надо пояснить, что и игру и денежные выигрыши и весь дальнейший распорядок наших с ней взаимоотношений – все придумала она. Я не противился.

В шашки я Сашку постоянно обыгрывал. Она от этого получала немислимое удовольствие. Деньги проигрывала по юношеским меркам большие, и чем больше проигрывала, тем сильнее радовалась. Возможно, таким образом пыталась помочь, поддержать.

Уехала в Германию. Там вышла замуж. Я вспоминаю её с благодарностью.

2001 г.

Поэзия и проза

Как все чудесно, Таня, в этом мире устроено. Ты младше меня на девять месяцев и могла бы быть моей младшей сестрой, но как хорошо, что ты мне не сестра и я смело могу любить тебя и мечтать о том, что у нас будут дети. Непременно хочу, чтобы был и мальчик, и девочка. Чтобы росли они, как и мы, в деревне, чтобы восхищались дети наши полями в цветах, высоким небом в ватных облаках, сладким воздухом, ласковым ветром и пением жаворонка.

Помнишь, как детьми мы ходили собирать на лесных опушках землянику? Ты ягоды собирала в кружечку, а я ползал по полянке на четвереньках и обирал ягоды губами? Помнишь, как разыгрывал тебя? Говорил, что заяц вышел из леса на задних ногах, ты искала, высматривала его, а я тем временем отправлял всю собранную тобой землянику к себе в рот? Ты на меня не сердилась. Ты звонко смеялась, глядя на меня, на то, как у меня раздулись щеки. Как можно было не влюбиться в тебя?

Помнишь, возвращались из леса и заметили огромного шмелика в полосатой маечке. Я тогда сказал: «Смотри, он сейчас влюбится в какой-нибудь цветок, подлетит, обнимет и поцелует». И шмелик обнял и поцеловал самый красивый цветок. И поцелуй был такой крепкий, такой долгий, что стебель склонился до самой земли.

А потом что было, помнишь? Я попросил разрешения тебя поцеловать. Ты зажмурилась так сильно, что губы расползлись, и в результате я поцеловал твои зубы. А помнишь, как после дождя вышли на улицу, встали под рябину и хорошенько тряханули ее? На нас посыпались огромные, холодные капли. А потом подошли и тряханули яблоню, и вместе с каплями на голову посыпались яблоки. А помнишь, как листьями осоки стреляли, кто дальше?

Помнишь, как спасли слепых котят, которых закопала тетька Катя? В детстве все это кажется диким, непонятным. Она с такой любовью кормила беременную кошку, приговаривала: «Кушай, милая, тебе теперь за семерых питаться надо, ты теперь не одна». А потом взяла и с легкостью новорожденных котят закопала. Необъяснимая жестокость, особенно в глазах маленьких детей.

А помнишь, зимой, мы лежали на снегу, и нам на лицо падали снежинки? Тихо падали, медленно. И таяли. Каждое время года – настоящее чудо! Летом зелень, яркое солнце, осенью красная и желтая листва. Помнишь, любили гулять под дождем, шлепая по лужам. Следили за прозрачными извивающимися змейками на оконных стёклах. Чья быстрее скатится. Даже спорили, чья капля победит. А вспомни зиму. Горки снежные, снеговиков, лед на озере. Как сначала палки швыряли, чтобы проверить, крепок ли лед, а затем потихоньку выходили на него кататься. Весною сосульки, капель, прозрачный воздух. Кровь бродит, ходишь, как пьяный. Ру-

чьи журчат и полная вера в неизбежность немедленного счастья. Вот-вот, оно рядом, обязательно будет. И было. Ты мое счастье, Танька.

А помнишь, как мы били Славку Никишина за то, что он надул лягушку, и она, как пузырь, плавала по озеру и не могла нырнуть, попасть к своим детям. Я держал ему руки за спиной, а ты пробивала щелбаны ему в нос и лоб. Он сначала грозил нам, а потом плакал и умолял, но мы, пока сто щелбанов не пробили, не отпустили. Неприятный тип, этот Славка. Одни гадости у него на уме. Прости, что в таком дорогом для меня письме упомянул о нем, что-то вспомнился.

Я хотел сказать тебе главное. Ты – моя надежда и свет мой. Ты нужна мне сейчас, как воздух. Я люблю тебя сильнее матери, сильнее всех. Ты у меня единственная.

До встречи через три месяца, самый дорогой мой человек.

Прочитав письмо, Славка Никишин отдал его беременной жене.

– Ну, и зачем ты дала его мне прочитать? – Спросил он.

– Затем. Надо было год назад написать, дескать, вышла замуж. Прости. Не мучай ни себя, ни меня.

– А, что как после такого известия он там руки на себя наложит? Греха-то не боишься? Пусть воротится, а тут уж все решим.

– Ну, коли ума нет, пусть накладывает. Я ему не нянька, – ответила мужу Татьяна, топившая, в ведре с водой, слепых котят.

22.01.2001 z.

Пределы

Была у меня Жанна по фамилии Школьник, не готовила, не стирала, не убиралась – все делал я. Она просила подать, принести, я выполнял ее просьбы. «Дай вилку, подай телефон». Делала это не для того, чтобы как-то унижить, а просто потому, что была так воспитана. Она не умела иначе.

Уезжая в командировку, я варил ей огромную кастрюлю щей, и она их ела. Тарелки не мыла. Я приезжал и находил в раковине гору грязной посуды. Жанна, тем временем, сидела в комнате, укутавшись в одеяло, и мечтала. И это не вызвало раздражения, только смех или улыбку, в зависимости от степени усталости, с которой я возвращался.

Такой уж она была. Мы говорили с ней о браке. Я хотел на ней жениться, мечтал о детях.

– Куда мне рожать? – Отвечала Жанна. – Я сама еще ребенок. И потом, размножаться должен тот, кто умеет хотя бы себя обслуживать. А я видишь, какая?

От разговоров о браке и вовсе уклонялась под любым предлогом.

Не поверите, но я стирал за ней даже нижнее белье. Случалось, что и её саму купал, как маленького ребенка. Ничего не хотела делать. Но, как, ни странно, не только ее, но и меня всё это устраивало.

Жанна задавала тысячу вопросов, широко раскрывала

глаза, удивляясь самым обыкновенным вещам, а главное, была тихая, спокойная. Мне с ней было уютно. По мне бы, так и жил с ней сто лет, даже не имея детей, не расписываясь. Готовя, стирая и убираясь. Но, видимо, всему есть свой срок, всему в нашей жизни земной поставлен предел.

Она сама от меня ушла, и, когда просилась назад, я сказал ей «нет».

А ушла оттого, что я готовил, убирался и все делал по дому. Был немужественным, как ей казалось. Не курил, пил в меру, грязно не ругался, ее не бил. Ее старшие сестры жаловались ей по телефону на своих мужей, а ей в свою очередь нечего было рассказать. Она завидовала им.

Лучшую ее подругу муж, находящийся в приступе белой горячки, загнал на балкон и, приставив столовый нож к горлу, спрашивал: «Ну, что, сама прыгнешь, или тебе помочь?».

– Представляешь, какие эмоции она испытала? – Говорила мне Жанна, с глазами, горящими от восторга и зависти. – Разбежаться, что ли и нам в стороны? Пожить, какое-то время, в состоянии неопределенности? Все-таки, что-то новое.

Так она при мне рассуждала. И «разбежались».

Недолго она «бегала», запросилась назад. Недели две звонила через каждые пять минут, на работу ко мне приезжала. Ну, кто еще так, как я, стал бы готовить ей, мыть посуду, убираться? Кто стал бы слушать ее вздор, не забывая при этом зарабатывать на жизнь, то есть на тряпки и житье-бытье? Никто. Не нашла такого.

Она была, конечно, миленькая, непосредственная и мне очень нравилась. Влекло меня к ней физически. Ну, да и она отвечала взаимностью. Был у нее вкус, то есть знала, как вести себя с мужчиной. Вот, чего-чего, а это умела.

Умела без притворства краснеть, стесняться. Умела приоткрыть тайные двери и, не дав насытиться, тот час захлопнуть. Всегда оставляла полуголодным, с тем, чтобы не надоела, не приелась, чтобы оставаться желанной. В этом заключена большая женская мудрость. Этим Жанна владела. А больше ничем.

Не за плотские утехы я ей все прощал, а за ее наивность, открытость, детскость. Да, и что значит прощал? Встретились, полюбили друг друга, стали жить. Так и жили. И ее, и меня какое-то время такая жизнь устраивала. А, что случилось потом – вы знаете.

После Жанны по фамилии Школьник, по странному стечению обстоятельств, я познакомился и жил с Жанной по фамилии Учитель. От Жанны Школьника ушел, к Жанне Учителю прибился.

С ней ситуация была прямо противоположная. Все делала она. И готовила, и убиралась, и даже в стену гвозди забивала. Я, в кратчайшее время, так обленился, что, снимая с себя рубашку, был не в состоянии повесить ее на вешалку, кидал на пол. Жанна подбирала, ни слова не говоря, и несла стирать.

За четыре месяца такой жизни я поправился на двадцать

килограмм. У меня появилась одышка.

Сейчас противно вспоминать себя того, но это было. И чтобы полностью не деградировать и не разложиться, я от Жанны Учителя ушел. Она говорила: «Готовь, стирай, забивай». Но, я не мог. Был, как парализованный. Страшная апатия ко всему была, опускались руки. Ничего не хотел делать из того, что раньше делал, и главное, делать любил. Стал настоящим паразитом, трутнем. Даже на работу ходить перестал.

Простились мы с Жанной Учителем по-доброму. Остались хорошими друзьями.

2001 г.

Привычка

Накануне собственной свадьбы, Аркадий Петраков, встретил девушку своей мечты. Тот час помчался к другу, брату невесты, и упал перед ним на колени.

– Серёжа, – плакал он, – можешь считать меня негодяем. Но, свадьбы не будет. Встретил настоящую любовь, свою вторую половинку. Ударь. Ты, имеешь на это право. Поскольку я нанёс тебе и сестре твоей величайшее оскорбление. Мне и самому станет легче.

– Как это случилось? – Поинтересовался друг.

– Самым естественным образом. Поехал к портному за свадебным костюмом и увидел в метро, на станции. Подошёл. Объяснился. Сказал: «Не знаю кто вы, да это и не важно. Чувствую, что дышать без вас не могу. Жизнь моя в ваших руках, распоряжайтесь ею». Рассказал о себе всё. И о том, что завтра свадьба, и то, что свадьбы не будет. Учился в первом меде, на фармаколога. Не из Москвы. Поехала домой, к маме. Пригласила, в сентябре, к себе в институт. Сказала: «Если намерения у вас серьёзные – то увидимся. Я вас тоже сразу заметила».

Она славная! Сердце моё поёт. Теперь дни, часы, минуты буду считать до первого месяца осени. Порхаю, как мотылёк. Ну не смотри ты на меня так. С твоей сестрой у нас была любовь с первого класса. Первая, детская, на смену к кото-

рой неизбежно приходит настоящее зрелое чувство. Влюблённого судить нельзя. Я не виноват, что любовь случилась за день до свадьбы. Хорошо ещё, что так, накануне. Поверь, всем будет лучше, честнее. Родственникам всё сам объясню и надеюсь, поймут правильно. Осуждаешь? Имеешь на это право.

– Завидую. Я бы никогда не решился. Ты, Аркаша, молодец. Мужик. Личность. Но, вопрос. Где гарантия, что через год не встретишь другую любимую, затем третью?

– Хоть миллион. Жить без любви подло. Я не буду жить так, как отец с матерью. Не стану мучиться в постылом браке, заставляя страдать жену и детей.

– Прав. Не красиво уходить от невесты накануне свадьбы, но и жениться на человеке, которого не любишь, просто безумие. Я не сержусь, горжусь тобой. Пусть это и странно тебе слышать от брата покинутой девушки, но это так.

В тот же день невеста Аркадия Петракова, ещё не зная, что покинута, встретила с подругой и отправилась с ней в ресторан. А поскольку столик в ресторане достался четырёхместный то, волевым решением метрдотеля, к ним были посажены два молодых человека.

Сначала такой порядок не понравился, хотелось поговорить о своём, девичьем, но коль скоро выбора не оставили, то они смирились с существующим положением и уже через несколько минут их прекрасные плечики подрагивали от непрекращающегося смеха.

Один, из молодых людей, был очень весёлым и разговорчивым, весь вечер корчил рожицы, вышучивал и передразнивал людей сидящих за соседними столиками, рассказывал не совсем приличные анекдоты и декламировал непристойные стихи. После застолья вызвался проводить до дома подругу нашей героини.

Второй, молчаливый, пошёл провожать покинутую невесту. И на беду пристали хулиганы. То ли внешность кавалера не понравилась, то ли спутница его приглянулась. В общем, прицепились, как в народе говорят. Да так, что слов не слушали, на просьбы не реагировали, угроз не боялись.

Стало ясно, без драки не обойтись. А как драться, когда трое на одного? Но, молчаливый провожатый, вдруг, так профессионально с ними разделался, что теперь уже не скоро хулиганы смогут встать с больничных коек и приставать к прохожим. Досталось им на орехи.

После драки молчаливый молодой человек словно ожил, стал рассказывать о себе. И с каждым новым словом, покинутая невеста всё сильнее понимала, что любит его так, как не любила никогда и никого. Что вся предыдущая жизнь была лишь ожиданием этой встречи.

От станции метро Октябрьская, они пешком дошли до станции метро Парк Культуры. Затем, так же незаметно, за разговорами, дошли до станции метро Спортивная. Дмитрий, так звали молчуна, жил у этой станции. Из окна кухни видна была станция метро. Обои в комнате были смешные,

детские, клоуны на парашютах. Когда-то у Дмитрия была семья, теперь жил один.

Верочке, так звали покинутую невесту, всё нравилось. И Дмитрий, и его рассказы о службе, и клоуны на парашютах, и то что он был женат, и что теперь разведён, и даже необычный свисток в носике у чайника, тоже нравился.

И тут, вдруг, вспомнила, что завтра выходит замуж, что у неё свадьба. В четыре часа ночи она сняла телефонную трубку и набрала номер брата.

– Сержик, прости, что разбудила, – залепетала она, – я должна сказать тебе важную вещь. Знаю Аркадий твой лучший друг, но... Но, истина дороже. Не знаю, как это лучше выразить? Я не хочу ему говорить неправду, то есть лгать. Это будет подло с моей стороны, поэтому я решилась. Решилась, но чего мне это стоило, даже не догадываешься.

– Так ты уже говорила с ним? – Сонным голосом спросил брат.

– Ради Бога молчи и слушай, не перебивай, а то спутаюсь и ничего не смогу объяснить, а объяснить обязательно нужно. Так вот, начала я о своих чувствах.

Человеческие чувства сравнивают с природой, например, вулкан, когда только «просыпается», не опасен, но когда начинает извергать лаву, он на своём пути никого не жалеет и не щадит. Так и моё чувство, сначала просыпалось и, наконец, захватило меня всю, и бьёт ключом. Извини, что так подробно говорю. Хотела сказать, что свадьбы завтра не будет.

Я полюбила другого человека. Можешь презирать меня, обзывать грязными словами. Возможно, в твоих глазах, я такой на данный момент и выгляжу. Только прошу об одном, сейчас ничего не говори. Пойми, это просто выше моих сил. Это стихия, река, которая как щепку подхватила меня и несёт. И я очень счастлива, быть щепкой, и рада нестись по течению к неведомым берегам.

Аркашка, замечательный человек, преданный друг. Уверенна, что и мужем для какой-нибудь девушки будет превосходным. Для какой-то, но только, не для меня.

Сегодня я поняла, что совершенно его не люблю. Да, скорее всего, никогда и не любила. Суди меня, как подсказывает тебе совесть, но я не хочу губить жизнь с молодая, живя с человеком к которому не испытываю тех самых чувств, без которых семья не семья, а бессрочная каторга. До свидания.

– Не вешай трубку, – взмолился брат, – я не осуждаю. Не переживай. Я, горжусь тобой. Повторяю, не переживай. Всё уладится самым наилучшим образом.

– Ты так убеждённо всё это говоришь, что мне уже и самой верится, что всё будет хорошо. Передашь? Скажешь, что свадьбы не будет?

– Нет. Сама скажи. Увидишь, он воспримет спокойно. Пойми, такие вещи нельзя передоверять кому-то, даже ближайшей родне. Успехов в настоящей любви.

На следующий день играли свадьбу. Ресторан был шикарный, большое количество гостей. Аркадий Петраков соче-

тался законным браком с Верочкой.

Вспоминая прошедшую ночь, в особенности драку, из которой Дмитрий вышел победителем, Верочка подумала: «А мой бы, тряпка, не защитил. Под юбку бы спрятался». Встала, подняла бокал шампанского, выше головы, и сказала:

– Я знаю Аркадия с первого класса. С того самого дня, как сели первого сентября за одну парту. Как сели рядом, так потом ни на один день и не расставались. Он носил мой портфель в школу и из школы, мальчишки одноклассники дразнили, подсмеивались, но он тогда уже был выше этого, был настоящей личностью. И сегодня мне выпала честь стать его женой. Прошу всех поднять бокалы и выпить за моего мужа. Самого, дорогого для меня человека. И, самого замечательного.

Выпивая бокал за себя замечательного, Аркадий подумал о том, насколько жена проигрывает девушке, что встретилась вчера. «Просто обезьяна какая-то».

Испугавшись этой мысли, он встал с бокалом шампанского и так же, подняв его выше головы, сказал:

– Прошу всех выпить за мою жену, самую красивую девушку на свете!

Много было тостов, гости выпивали, веселились. Лишь свидетель жениха, он же брат невесты, сидел печален и трезвехонек. Пьяные гости стыдили его за это и понуждали сказать тост. Он всё отнекивался. А тут, вдруг, встал и сказал:

– Предлагаю выпить за Пушкина Александра Сергеевича. За его бессмертные строки: «Привычка свыше нам дана, замена счастью она».

Свидетеля толкали в спину и подсказывали:

– Скажи «горько». Какого лешего нам Пушкин твой.

– Да, да, – соглашался свидетель – Если б только знали вы, как горько мне.

Жених с невестой, вместо ожидаемого всеми поцелуя, вдруг не сговариваясь, навзрыд заплакали. Он о своей, а она о своём.

– Меньше пить нужно было, – говорили родители, – позорите перед роднёй.

22.09.2002 г.

Прилежный ученик

Субботним утром Арона Моисеевича разбудил стук в дверь. Стучали кулаками, да с такой силой, что было ясно, промедли он с открытием ещё несколько мгновений, и в ход пойдёт кувалда. В том, что это ломаются сотрудники милиции с внезапным обыском, сомнений быть не могло, поэтому хозяин квартиры очень удивился, увидев на пороге не бравого ОМОНовца, наряженного в сферу (специальная каска из свинца) и бронежилет, а тщедушного молодого человека с переломанным носом, одетого в костюм, выдававший глухую его провинциальность.

– Вы из прокуратуры? – Машинально спросил Арон Моисеевич и тут же поинтересовался. – Чем могу служить?

– Нет. Я не из прокуратуры. Я сынок ваш, Илюша Кагалов. – Медленно, с расстановкой, ответил неожиданный гость. – Вы с моей мамой, Зинаидой Владимировной Артемьевой, вместе в Университете учились. Потом Вы нас бросили, и мы уехали в Сибирь к её родителям. А неделю назад, когда исполнилось мне тридцать, мама сказала: «Езжай в Москву, посмотри на отца. Может, нуждается в чём, помощи».

– Заходите в квартиру. – Холодно пригласил Арон Моисеевич человека отрекомендовавшегося его сыном. – Проходите на кухню.

Неловко ступая, гость прошёл на кухню. Поставил на стол сумку с банками, закатанными собственноручно, в которых было варенье и консервированные овощи.

– В следующий раз не стучите, звоните. Рядом с дверью, розовый звонок. – Не зная, о чём говорить, сказал Арон Моисеевич и, отводя глаза в сторону, спросил. – У вас паспорт есть?

– А как же. Здесь. Во внутреннем кармане.

Гость похлопал себя по груди.

– Покажите, пожалуйста.

Досадуя на недогадливость гостя, Арон Моисеевич взял в руки паспорт, машинально достал из него фотографию, чтобы она не мешала проверке личности и вдруг вскрикнул:

– Что это?

– Фотография. – Спокойно ответил гость.

– Ясно, что не уютюг. На ней кто?

– Вы вместе с мамой на Ленинских горах.

Арон Моисеевич и без подсказок знал, что это он, но боялся, что всё это ему только кажется и от страха перед этой, возвращающейся к нему, давно забытой жизнью, требовал подтверждения, очевидным вещам. Попросту, поддержки.

Он поднёс фотографию близко к глазам и увидел рядом с собой, молодым, ту самую, несмышлёную девочку, которой овладел когда-то в главном здании Университета, в секторе «Г», на пятом этаже, прямо в телефонной будке.

Сразу вспомнилось всё. Словно, не тридцать лет прошло,

а три дня. Вернулось то лето, Воробьёвы горы (тогда Ленинские), травянистый пляж реки Москва, купания, обжимания, сладкие поцелуи. Катание на речном трамвайчике и дырявые карманы, в которых не было ни гроша.

«Да. Время, было другое. – Думал он, разглядывая фотографию. – Ходили мы с этой наивной девочкой воровать яблоки в Университетский сад. Затем шалили. Кидались огрызками в прохожих, а сами прятались в кустарнике. Было смешно и страшно. Какое же это было блаженство. И жизнь казалась лёгкой, простой. А главное, понятной на века. А что теперь?».

Неожиданно, для себя самого, Арон Моисеевич грязно выматерил вслух действующего президента, политический курс и все те демократические перемены, которые стали возможны только при новом укладе жизни.

– Правителя ругать нельзя. – Убеждённо сказал гость.

– Кто тебе сказал? Теперь у нас всё можно. Демократия.

– Всякая власть от Бога.

– Ты ещё мне Гитлера в пример приведи. Так ты у нас, значит, верующий? Веришь в Бога, в бессмертие. Конечно, за реформы. А ты видел, что за окном творится? Как сейчас люди живут? Когда твоя мать забеременела, у меня и мысли не возникло послать её на аборт или ещё куда подальше. Сказать: «Живи, как знаешь. Меня не трожь». Я, как честный человек и законопослушный гражданин, пошёл с ней в ЗАГС и оформил отношения. И никакой поп, никакой рав-

вин меня этому не учил. Для того, что бы быть порядочным, не обязательно называть себя верующим. Это моё глубочайшее убеждение и даже ничего мне на это не говори. А про бессмертие я тебе расскажу. Жил я когда-то в самой лучшей на свете стране. Учился, в самом лучшем на свете Университете. Строил, светлое будущее для всех людей на земле. Сомнения меня не терзали. Я был по-настоящему счастлив. И вот тогда, все мы, считали себя совершенно искренне бессмертными. Бессмертными, в своих делах. Бессмертными, в идее всеобщего равенства и братства. А, что теперь? Теперь мне говорят: «Ты еврей, убирайся в Израиль или прибивайся к еврейской общине». А я спрашиваю себя, зачем? Зачем мне всё это? Все эти общины, Синагоги. Другой подходит и учит: «Иди, окрестись, Богу не важно, эллин ты или иудей.». Спрашиваю: зачем? Ничего вразумительного ответить не может. Всё так же, как ты, бормочет затверженные фразы: «Всякая власть от Бога. Ругать её нельзя». Да как же мне её не ругать, если она мне всю жизнь испоганила. Знаешь девиз новой власти? Воруйте, убивайте, насилуйте! Точно говорю, не улыбайся. Сейчас, куда ни глянь, все воруют, все друг друга ненавидят, хотят убить. И скажи, кому при этой власти стало лучше? Никому. Все проиграли. Да, ты мне можешь возразить. Имеешь полное право сказать, женился-то ты женился, но через год развёлся, фактически нас бросил. Что тебе на это ответить? Ты сам мужчина и должен понимать, что в жизни зачастую обстоятельства сильнее нас.

Влюбился, думал, нашёл то, что искал. Но, ошибся. Так бывает. Ты меня пойми. Я пять раз был женат, а ребёнок только один. Ты, у меня, единственный сын.

Арон Моисеевич произнёс слово «сын» и вздрогнул, словно обжёгся. Замолчал и стал разглядывать лицо стоящего перед ним молодого человека, в надежде отыскать что-то своё, родное.

Сын ему не нравился. Был простоват, совершенно на него не похож и что отвратительнее всего, через всё лицо, через кривой переломанный нос, проходил огромный, уродующий внешность, шрам.

– Это у тебя откуда? – Спросил Арон Моисеевич, не в силах скрыть брезгливой гримасы.

– Дерево упало на голову, во время лесоповала.

– Был в заключении?

– Зачем? Просто работал в Леспромхозе. Валил лес, зазевался, дерево меня зацепило. Сотрясение мозга было, швы накладывали.

– Ну, ты даёшь. Тебя, наверное, куда ни пошли, всё будешь делать. И дерьмо черпать и что ещё похуже.

– А куда деваться? Работы нет. – Без лукавства ответил Илья Аронович.

Умилённый искренностью молодого человека, а главное, всё же тем, что это его единственный сын, которого он не видел тридцать лет, Арон Моисеевич достал из запасов бутылку коллекционного вина и велел своей молодой жене Анже-

ле, собрать на стол изысканные закуски. Отец захотел блеснуть, удивить. Показать сыну, что такое настоящая жизнь.

Сидя за столом, Арон Моисеевич кокетливо улыбнулся и спросил:

– Ты знаешь, сынок, сколько стоит это вино? Не морщи лоб, всё равно не угадаешь. За эту бутылку я отдал тысячу долларов.

– Ух, ты! Зачем же мы её пьём? Выгоднее продать и купить на вырученные деньги несколько ящиков водки. Помому, на этот раз я прав.

– Глупец. Ты, конечно, прав, со своей, с далёкой, с сибирской стороны. Но я, как человек, обладающий изысканным вкусом и наконец, как твой отец, скажу, что нельзя жить примитивно. Надо стремиться к изящной, возвышенной жизни. Поверь мне, мы этого стоим. Я покажу тебе настоящую жизнь, а уж ты сравнишь её со своей тюремнокаторжанской, которую только и видел. И коей раболепно подчинялся, даже без предписания суда. Подумать только, человек десять лет в тайге валил лес и думал, что так надо.

После домашнего застолья Арон Моисеевич взял такси и повёз сына в центр столицы. Показал дорогие магазины, в которых торговали костюмами прославленных мировых мастеров. Ему нравилось наблюдать за Ильёй, всякий раз впадавшего в состояние шока, после того как ему объявлялись их цены. Он чувствовал себя генералиссимусом, наблюдавшим с мавзолея за парадом победы.

Они гуляли по Арбату, курили гаванские сигары, всю ночь провели в дорогом ресторане, где худощавые длинноногие существа, отдалённо напоминающие женщин, прямо на сцене снимали с себя нижнее бельё. Домой вернулись под утро. Выспавшись, Арон Моисеевич посадил сына в свою машину, и они поехали на «охоту». Охотой называлось смотреть, где что в городе плохо лежит. Надо же было учить сына уму разуму, а то, ишь ты, «Может отец нуждается в чём, помоги».

Они медленно объезжали улицы и переулки, внимательно глядели по сторонам.

– Смотри! – Говорил Арон Моисеевич. – Это же труба из нержавеющей стали! Как стемнеет, мы её заберём. Пригодится на даче. И эту бочку железную загрузим. И это бельё, что сохнет, тоже возьмём. Пустим на ветошь. Ты куда смотришь?

– Да, вон. На бабу, что с сумками идёт.

– Сначала дело сделаем, а затем, постараемся уговорить и бабу. Не получится уговорить, купим с потрохами. Они все, продажные, до одной. Гляди, словно почувствовала, что о ней говорим. К нам кормой повернулась. Демонстрирует свой товар, суконка.

Они долго ездили по городу и всё, что попадалось на глаза, Арон Моисеевич записывал в своё имущество. Сын подумал, что отец только этим и живёт, но тот признался, что имеет сеть магазинов, торгующих бытовой химией, приличный капитал и очень скоро намерен сменить несовершенную Москву на Калифорнию с пляжами и уютom.

Вечером пили водку. Арон Моисеевич сделал сыну подарок, купил целый ящик. Напившись пьяным, Кагалов старший запел:

– Дорога, дорога, ты знаешь так много о жизни моей непростой.

Сын прослезился и, спросил у отца:

– Почему люди сочиняют песни и поют их? И почему от этого так хорошо?

– А потому, что всё это наслаждение. И сочинять, и петь, и слушать. Человек, он вообще только ради наслаждений и живёт. И всё то, что мешает ему получать наслаждение должно быть сметено. Если ты силён, умён, богат и энергичен, то всегда будешь прав и добьёшься своего. Вот я свою молодую жену отбил у грузина. Он её очень любил, плакал, просил вернуть, предлагал мне пять тысяч долларов. Но, по моему, блефовал. Откуда у него такие деньги? Они, эти грузины, до эффектов охочи. Так он назад и не получил её. А почему? Потому что это – моё! Я – хозяин! Я – господин! А он не смог, не сумел её взнудать. Пусть торгует теперь свою фасолью на Даниловском рынке и утирает слюньку.

– Неужели было бы хорошо, если бы я отбил у Вас вашу жену? Разве это правильно?

– А как же. Это было бы и хорошо и правильно. Вся беда только в том, что ума и силёнок у тебя для этого не хватит. А ещё, прости за прямоту, рожей ты не вышел. Тебе сначала надо миллион долларов накопить на пластическую опера-

цию, а затем помышлять об этом. А мораль?

– Мораль? Это, что за птица? Кто её видел? Покажи мне её. Всё это глупость. Нет ни морали, ни Бога. Всё это сказочки твоей тёмной матушки. Она обманывала тебя для того, чтобы держать при себе. Держать, в повиновении. Для того, чтобы сковать твою волю, твой энергетический потенциал. Чтобы ты до тридцати лет горбился на лесоповале и даже писку не издавал. А вот если бы ты не слушал её, за это время мог бы стать и генералом и банкиром и кем угодно. С деньгами, с девками, с положением в обществе. А кто ты сейчас? Кто ты, на данный момент? Ты жалкий уродец. Человек, без имени и без судьбы. Человек в костюме прошлого века, без средств к существованию. Кому ты нужен такой? Никому. Поэтому, чтобы эти сказки о Боге, милосердии и прочей... Чтобы всего этого в моём доме не звучало! Хочешь жить, как король? Я тебя научу.

Сын сидел, раскрыв рот и растерянно моргал глазами.

– Я тебя ещё раз спрашиваю. Хочешь жить по человечески?

Илья Аронович кивнул.

– Вот. Слушай тогда меня, отца своего. Слушай и мотай на ус. Убивай. Воруй. Спи с жёнами, с дочками, с мамками, с папками. С самым ближним, наконец. И тогда станешь тем, к чьему мнению станут прислушиваться. Потому, что о тебе скажут: человек видел виды и знает что почём.

– Что значит, убивай? Брать нож и идти на улицу, резать?

– Зачем. Вот тебе, к примеру, понравилась моя жена, а си-
лёнок на то, чтобы меня отодвинуть маловато. Что тогда
делаешь? Берёшь такое средство (Арон Моисеевич достал
из внутреннего кармана пиджака пузырёк с изображением
черепа и буквами ЯД) и капаешь две капли сопернику в ста-
кан. Он этот стакан выпивает, и на утро врачи констатиру-
ют у него обширный инфаркт. Дорога свободна. Никаких но-
жей, судов и присяжных. Ты не забывай, сынок, что у нас
двадцать первый век на носу и про то, что наука на службе
у человека.

У Кагалова младшего от всего услышанного даже хмель
из головы выветрился. Когда все заснули, он лежал с откры-
тыми глазами и обдумывал то, что говорил отец. В конце
концов, разволновался до того, что не в состоянии был даже
лежать, встал и пошёл курить на кухню.

Под утро, в коротенькой ночной рубашке, на кухню заяви-
лась Анжела.

– У мужа в горле пересохло. Просит холодненькой водич-
ки. – Объяснила она своё появление. – А тебе, если не спит-
ся на новом месте, могу снотворное предложить.

– Я слишком уродлив? – Спросил, неожиданно для себя
самого, Илья.

Анжела подошла к нему, поцеловала его в губы, и шёпо-
том сказала:

– Ты самый красивый из всех мужчин, которых я знала.

Утром, проснувшись в десять часов, Арон Моисеевич по-

чувствовал себя очень плохо. Его тошнило, голова кружилась, руки и ноги онемели, не слушались.

– Плохо мне, сынок, вызови неотложку. – Сказал он Илье Ароновичу, стоящему у кровати в модном, дорогом костюме.

– Нет, батя, подыхай. Умей проигрывать. – Неожиданно циничным тоном ответил ему сын.

– Что? Что, ты сказал? Откуда у тебя этот костюм?

– Купил в том магазине, в который ты водил.

– На что ты мог его купить?

– На твои гроши.

– Я тебе денег не давал.

– Пришлось взять самому.

– Зачем, ты это сделал?

– Чтобы жену твою покорить. На кой чёрт я ей рваный, да нищий. Спасибо, подсказал. У меня глаза открылись.

– Ты же вор. Как, ты этого не понимаешь. Ты не взял, ты украл мои деньги.

– До вчерашнего разговора я сказал бы так. Мне отец тридцать лет недоплачивал, и я взял только то, что причитается. А после вчерашнего разговора я вот что скажу. Да, я вор. Деньги украл и буду этим гордиться.

– Ладно. Оставим. Где жена?

– Она со мной.

– Анжела тебе отдалась?

– Со всей страстью и искренностью.

– Врёшь.

В соседней комнате заплакала жена Арона Моисеевича.

– Зачем ты выдал меня, это подло. Он теперь меня вышвырнет на улицу. Знал бы, как тяжело в мороз на рынке стоять. – Причитала она, плача.

– Не вышвырнет. Его песенка спета. Я ему в стакан с водой утром яду налил. Долго не протянет.

– Какой же ты гад, сынулька. – Прошептал Арон Моисеевич и от бессилия закрыл глаза.

– Какой учитель, таков и ученик.

Услышав о том, что Илья отравил мужа, Анжела, не медля, вызвала реанимационную машину и наряд милиции. Вопреки традициям, они приехали очень скоро. Кагалова старшего увезли в больницу, а Кагалова младшего в участок.

Уже через неделю Арон Моисеевич был дома, побаливала печень, почки, но в целом состояние было удовлетворительное. Заплатив оговоренную сумму милицейским чиновникам, он без суда и следствия вызволил сына из-за решётки.

Провожать Илью Ароновича, на вокзал, пошёл один, без жены. Посадив сына в фирменный поезд с цветастыми табличками «Сибирь», он с перрона его напутствовал:

– Плохой из тебя ученик, Илюша. Если уж встал ты на эту дорожку, то нужно было ни перед чем не останавливаться. Надо было и жену травить. Ведь я же их, дешёвок, знаю. Думаешь, меня пожалела? Обо мне беспокоилась? За себя испугалась. Я нарочно составил завещание так, что бы ей ни-

чего не досталось, если умру, случайно, раньше семидесяти.
Не впрок тебе пошла моя наука.

Поезд тронулся, сын многозначительно подмигнул отцу
и крикнул:

– Ещё вернусь!

8.07.2000 г.

Принципиальный разговор

Только с третьей попытки ключ Бориса Перепелкина попал в замочную скважину. В прихожей его встретила визжащая от счастья собачонка. Встав на колени и поцеловав ее слюнявую мордочку, Перепелкин сказал:

– Алиса, хорошая моя, успокойся. Дождалась, своего папочку.

– Меня даже в щечку не целуешь, а собаку в грязные зубы готов лобызать. – Проворчала жена, появившаяся в прихожей.

– Ишь, приревновала! – Возмутился Борис. – Ты же не встречаешь меня так, как она. Все ругаешься: «Пьяница, сволочь». А Алиске я в любом виде дорог. Вот за это ее и люблю.

– Была бы Алиса твоей женой, посмотрела бы...

– Я бы тоже хотел посмотреть, какой ты была б на ее месте. Но, увы, невозможно. Ругаться хочешь? Пожалуйста. Давай.

– Кушать будешь?

– Все свое, на сегодня, я уже выкушал. Иду спать.

– Как спать? Ты же обещал Андрюшке сделать выволочку. На сынулю, нашего ненаглядного, жалуются все учителя. Того и гляди из школы попрут. А ты второй месяц не можешь выделить каких-то жалких пятнадцать минут, чтобы с ним по-отцовски строго поговорить.

– Что значит «выволочку»? Выражай свои мысли яснее. Ты хочешь, чтобы я его выпорол? Не буду. Не стану бить кровиночку свою, своего наследника. Сама во всем виновата. Сама разбирайся. Это плоды твоего воспитания.

Перепелкин, заметно качаясь, прошел в свою комнату, с большим трудом снял с себя брюки и прямо в рубашке и пиджаке бухнулся на диван. В голове появилось приятное гудение. Это было похоже на работу двигателя самолета, готовившегося лететь в страну грез. Да, без всяких сомнений, это был тот самый, такой желанный в этот момент, самолет. И вот они уже вырываются на взлетную полосу, слышатся слова стюардессы, которая просит пристегнуть ремни и вдруг происходит что-то неладное, неправильное. Стюардесса, вместо того, чтобы, мило улыбаясь, пожелать приятного полета, противным голосом его жены говорит:

– Борис, ну я прошу тебя, поговори с сыном. Андрея выгонят из школы, если он не исправится.

Ой, как не вовремя стюардесса все это сказала. Двигатель у самолета мгновенно заглох и на смену приятным ощущениям пришла та самая гнетущая тоска, которая всякий раз посещала Перепелкина по утрам в первый день рабочей недели. С трудом сдерживая матерную брань, он приподнял голову и знаком дал понять супруге, чтобы та вела их нерадивого отпрыска на «выволочку». Через мгновение, гордо ступая, в комнату вошел десятилетний Андрей. Не желая, чтобы мать слышала, как его отчитывают, сын демонстративно

закрыл дверь прямо перед ее носом.

– Ну, что там у тебя в школе? – Миролубиво спросил Перепелкин старший, не открывая глаз. – Рассказывай суть конфликта.

– Наша классная руководительница Тигра Львовна, то есть Таисия Львовна, сказала перед всем классом, что я подлец, лжец и трус. Я ответил, что до ее лжи, трусости и подлости мне еще расти и расти. Она обиделась, выгнала из класса и на свои уроки не пускает.

– Понятно. А чего ты ее так? – Продолжал допрос отец, не открывая глаз.

– За дело. Пришла она к нам в школу год назад, в конце второго полугодия и невзлюбила Балалайкину из десятого «А». В последней четверти, по своему предмету, три двойки к ряду ей поставила. У Балалайкиной нервный срыв. Заболела. Слегла. И провалялась в постели два месяца. Так и не оклемавшись, с хрипами в груди и кашлем, пришла на заключительный урок. А за тот срок, пока болела, с Таисией Львовной поработали. Директор провел разъяснительную беседу, завуч. Сказали: «Что ты, вытворяешь? Отец Балалайкиной – крупная шишка. Столько пользы для школы сделал, столько денег на нас потратил, а ты хочешь, чтобы дочка его золотой медали лишилась?». И Таисия Львовна обрзумилась.

Весь десятый «А» собрался, чтобы понаблюдать за этим спектаклем. Ведь на этом, заключительном, уроке учитель-

ница должна была объявить оценку за последнюю четверть и итоговую, за год. Балалайкину, вызвали к доске, та, разумеется, готовилась, но от волнения так и не смогла ничего сказать. Таисия Львовна сама за нее урок ответила, и говорит: «Балалайкиной ставлю «пять», за четверть у нее выходит «четвёрка», а за год, суммируя оценки всех четвертей, Танечка получает «пятерку».

Весь десятый «А» так и взревел от негодования.

А поставь она еще одну двойку Балалайкиной, если уж ты принципиальная и готова идти до конца. Скажи себе и классу: «Да, меня ломали, уговаривали поставить ей отличную оценку, но как я могу на такое пойти у вас на глазах. Ведь вы же видите, что она дура». Её бы зауважали.

Конечно, классным руководителем, после такого поступка, она бы уже не была. Возможно и на всей педагогической карьере пришлось бы поставить крест. Но, сколько бы сердец зажгла, огнем правды и справедливости. Сколько бы юных душ спасла от цинизма и неверия.

Подростки потянулись бы к ней. Молодежь уверовала бы, что не все в этом мире продается и покупается. Что есть по-настоящему взрослые и по-настоящему смелые люди, готовые подлецу сказать – подлец, предателю – предатель. Да, была у нее великая и единственная возможность стать кумиром учащихся нашей школы, а там, глядишь, и всего района, а может быть, и целого поколения. Ведь известно, слухами земля полнится. Ну, что теперь из пустого в порожнее

переливать, не случилось, не произошло. Не смогла она подняться выше кучи дерьма, в которой все вы, умные и расчетливые, так называемые, взрослые люди, как жуки навозные, копошитесь. А жаль.

Была бы она пустышкой, фальшивкой, как прочие, разве бы я спрашивал с нее что-то? Разве ругался бы с ней? Она же другая, не такая, как все остальные наши учителя. Вот что обидно, вот, собственно, за что я ее презираю. Да и она все это прекрасно понимает. Если бы чувствовала свою правоту, разве выгнала бы из класса?

– Красиво излагаешь. – Сказал Перепелкин старший, вставая с дивана и надевая брюки. – Одного понять не могу. Какое тебе дело до Балалайкиной, которая даже в школе уже не учится? Или это первая любовь?

– Все ты прекрасно понял. Просто хитришь, как обычно, и виляешь. Я тебе о человеческой подлости рассказал, о взлетах и падениях духа, а ты хочешь свести все к пошленькой интрижке, к симпатиям и антипатиям ученика младших классов.

– Симпатии, антипатии, я не пойму, в чем твои претензии? Что ты хочешь от этой... Как ее... Смешно ты, которую тигрой..? За урок поставила пять, за четверть четыре. Чем ты недоволен? Может, так положено.

– Да, нет. Если даже всю моральную сторону оставить в стороне. Ну, что незаслуженно пятерку получила. Допустим, что заслуженно... Мы с Колькой Алферовым, еще

до того, как я поругался с Таисией, подошли к директору и поинтересовались. Что выйдет за четверть, если ты получил три двойки, а затем одну пятерку. Выйдет ли четверка?

– Очень интересно, что же вам ответили?

– В том-то и дело, что директор про случай с Балалайкиной уже забыл, да и, наверное, представить себе не мог, что учащиеся четвертого класса всё об этом в подробностях знают. Нет, говорит, никогда четверки при таких оценках не будет. Будет двойка, в лучшем случае, если учитель очень жальится, то может поставить и троечку. Так, что когда я говорил нашей классной руководительнице, что она труслива, лжива и подловата, то знал, о чем и кому говорю.

– Да, она по-своему, конечно, виновата. Но ты не прав. И знаешь, почему? Во-первых, потому, что ты еще сосунок, и не тебе судить поступки взрослых людей, так как просто можешь не знать всех мотивов, толкнувших ее на это. А во-вторых, и в главных, ты не прав потому, что пока что, на сегодняшний день, ты полностью от нее зависишь. Твоей любимой Балалайкиной, после трех двоек она вывела пятерку, а тебе, после трех пятерок выведет двойку, и ничего не поделаешь, никто не спасет, не поможет, не выручит. Так устроен наш мир, в котором кошка всегда съедает мышку и никогда наоборот. Понятно?

– По-твоему получается, что человек должен лизать интимные, плохо пахнущие места всем тем, от кого он зависит?

– Это не по-моему, а по-общечеловечески.

– То есть, я правильно понял? Ты говоришь мне: «Я – алкаш, лицемер, блудливая сволочь, плохой муж, плохой отец, но я тебя кормлю, мой мальчик, ты от меня зависишь и поэтому должен держать язык за зубами». Правильно?

– Я б и сам лучше не сформулировал.

– А если мне все это противно? Если я не хочу так жить?

– Заставят, Андрюша. Заставят. Поверь, сначала сломают, а затем...

– И ты мне поверь. Тот, кто думает, что заставит, сам сто раз потом об этом пожалеет.

– Это что же, угрозы пошли?

– Нет. Это та самая правда, которую все вы боитесь.

– Кто это все?

– Все – это учительница Таисия Львовна, мать, ты.

– Так и знал, что начнешь с учительницы, а закончишь родным отцом.

– Конечно, ты знал, а иначе зачем бы ты кинулся ее оправдывать и защищать? Ты не ее, ты себя защищал. Ведь вы же с ней схожи, как два ужа, рожденные только ползать. Все то, что я ей на уроке высказал, все это и тебе подходит.

– В чем же моя трусость, ложь и подлость?

– Ну, во-первых, в том, что мать не любишь, а говоришь «люблю». Вот тебе и ложь, и подлость, и трусость вместе взятые. Во-вторых...

Борис Перепелкин не дал сыну договорить. Сильным ударом кулака он сбил его с ног и стал жестоко избивать. Его

давно уже трясло от сыновьих нравоучений, но он старался сдерживаться. Он слушал сына и не верил ушам своим. Позвал для того, чтобы устроить выволочку, а тот пришел и как совесть, явившаяся в человеческом облике, стал выворачивать душу наизнанку.

Утром, проснувшись с больной головой, Перепелкин старший ужаснулся, вспомнив, что вчера натворил. На дрожащих, подгибающихся, ногах он засеменил в комнату сына.

– Какая Тигра Львовна? Какая Балалайкина? – Андрей никак не мог понять, что от него хочет отец, про кого спрашивает. – Пап, дай поспать.

– Так значит, мы вчера не говорили? – Все не унимался глава семейства, с нездоровым любопытством щупая и осматривая лицо и тело Андрея.

– Я не виноват. Ты, как пришел, сразу в кровать бухнулся. Хочешь, сегодня поговорим.

– Нет-нет, что ты. Мне вчерашнего разговора на всю жизнь хватит, – смеясь, сказал Перепелкин, заботливо укрывая сына.

7.03.2003 г.

Приятели

В кафе, за чаем с бисквитами, сидели два приятеля, Баракин и Щербатов.

– Уверяю тебя, – говорил Баракин, – за деньги, даже самый безобразный, купит самую прекрасную. Возьмём двух претендентов на сердце красавицы, Любимого и Постылого. У Постылого деньги, у Любимого ветер в карманах. Посмотрим, кто победит.

Вижу, как наяву, что будет происходить. Постылый, станет дарить букеты, влюблённые над ним подсмеиваться. Но у Любимого, со временем, в сердце зашевелится змейка. Ведь и он был бы не прочь дарить цветы. Красавица, почувствовав печаль, станет успокаивать, уверять, что сам факт его существования для неё наилучший подарок. Ей удастся, на какое-то время, отвлечь желанного от грустных мыслей, убедить избранника, что ей ничего не надо, кроме его любви. И снова воцарится мир и спокойствие.

Но, Постылый, меняет тактику. Говорит влюбленным о том, что глядя на их гармонию, перестает искать своего и отступает. Более того, покупает молодой паре квартиру, за свой счет её меблирует. Девушке дарит свадебное платье невысказанной красоты, счастливому сопернику – костюм и автомобиль. Но, и это не всё. Жертвует, крупные суммы во все мыслимые и немыслимые благотворительные фонды, во имя

их великой любви. Влюблённым открывает счёт в банке. Как говорится, живи да радуйся.

Но, у Любимого свой взгляд на подарки, он от всего отказывается. Не желает жить в подаренной квартире, не хочет, чтобы его краса ненаглядная носила изумительной красоты платье. Не хочет, чтобы во имя их великой любви, какое-то третье лицо, жертвовало сумасшедшие деньги вдовам и сиротам.

И тут, в девичьем сердце, появляются первые признаки недовольства Любимым, не способным, как ей это видится, оценить чужое благородство. Но в угоду избраннику, ради мира и спокойствия, допустим невозможное, отказывается от всего, и они продолжают жить, как жили, то есть в любви и согласии. Любимый и Любимая.

Живут, время проходит, и вдруг оба понимают, что жизнь безнадежно омрачена. Говорить об этом, копаться в причинах, ни ей, ни ему не хочется. Он начинает прикладываться к рюмочке, она его пытается лечить. Нуждается в средствах. И тут, Постылый наносит, последний, сокрушительный удар. За которым полная победа. Предлагает.. Нет. Ни деньги, а лечение в хорошей клинике. И в тот момент, когда алкоголику в больнице, ставя капельницу ржавой иглой продырявят вену. Поверь мне, Любимый с Постылым, в сознании девушки, поменяются местами.

Прижимаясь в постельке к расчетливому проходимцу, красавица с негодованием в голосе, скажет о прежнем: «Соп-

ляк! Сам во всём виноват».

И попробуй мне возразить.

Щербатов не ответил. Пил чай, ел бисквит, и с состраданием смотрел на Баракина.

2008 г.

Приятная беседа

Брезгунов с братом, сидя за бутылочкой на кухне, обсуждали начальника жены.

– Говоришь и фамилия кошачья? – Интересовался брат.

– Собачья. – Смеясь, отвечал Брезгунов. – Тузиков.

– Постой. Уже и не собачья, а это... Как его? Литературная. Для юмористов, что хохмы пишут.

– Нет. Они бы не взяли. Там другие нужны. Тузиков, Мурзиков – мелковато. Это даже для жизни позорно, а тем более для литературы. Хуже всего то, что человеку с такой фамилией невозможно мечтать о знакомстве с красивой девушкой.

Ну, как это взять и представиться Тузиковым? Да, какая ж вытерпит, что б не улыбнуться, а, где насмешка, там презрение и отвращение. Ты уж мне поверь, если отношения начинаются с улыбки, то они непременно заканчиваются слезами.

Ну, был бы я Тузиков, разве смог бы познакомиться с женой? Да, ни когда и ни за что.

– Значит, в мире существует несправедливость? – Подмигнув брат, и ловко опрокинул внеочередную рюмку.

– Существует. Вот ты, к примеру, уже вторую пьёшь без меня. – Сделал Брезгунов замечание и, задумавшись, повторил. – Да. Несправедливость существует.

– Если ты про водку? Наливай и пей, я пропущу.

– Я, о Тузикове. И почему, действительно, так происходит. У одних фамилии Барсов, Тузов, а у других Барсиков, Тузиков. Нет, не хочу об этом больше говорить. Меня убей, но никогда бы Тузиковым не был. А человек, ты только представь себе, живёт с такой фамилией и ничего. Будто, так и надо.

И ещё долго Брезгунов с братом поминали Тузикова, так и эдак, разливая водку по рюмкам.

А его жена, мывшая плиту и всё это время находившаяся на кухне, думала о своём.

«Само собой ты Тузиковым не был, и быть им не мог, – как бы отвечала она Брезгунову. – Он делом занят, а ты только и знаешь, что водку пить, да людей за глаза ругать. Сказать или не сказать, что я второй год живу с Тузиковым, а в понедельник ухожу к нему навсегда?».

Она хорошенько подумала, и решила промолчать. Не портить себе воскресного вечера, а мужу приятной беседы

1995 г.

Прокурор в юбке

Слыша это женское имя, Дагмара. Вспоминаю не принцессу датскую, невесту нашего царя-миротворца, а слова мудреца: «Вкус пищи знает тот, кто ест», «Давать совет глупцу, только злить его», «Беспричинная ссора – признак глупости». Все это любимые изречения Дагмары Васильевны Хромовой, которые она, однажды зазубрив, бездумно повторяла по любому поводу.

Работала она, или как правильно сказать? Служила городским прокурором. Городок был небольшой, да и сама она была «не большая». В том смысле, что лет немного. Молодая была. Только из института. Вся мужская часть выпуска пошла в адвокатуру, а вся женская в прокуратуру.

На предплечье сделала себе татуировку – скрученная колючая проволока. Я этим уже и не смущался. Повальное увлечение татуировками – примета времени.

Имя у нее, как мне казалось, было неудобное. Язык ломался пополам, когда его произносил. Как-то попробовал заговорить я с прокурором Хромовой на эту тему.

– Дагмара Васильевна, разрешите обратиться, – сказал я вкрадчивым интимным шепотом, – позвольте называть вас просто Марой.

Размякшая в моих руках, убаюканная сладкоголосым обращением, как же она в один миг взбесилась. Отпихнула

от себя, побагровела, стала кричать:

– Так только ворье на малинах называет своих шлюх. Марами, Шмарами, Марухами.

– Успокойся, – говорю, – понятно.

– Что тебе понятно?

– Что надо или воров стать, или так тебя не называть.

Ох, и намаялся же я с Дагмарой. Все-то искала для себя каких-то идолов, какие-то догмы. Не было в ней ничего живого, человеческого.

– Если женщина встречается с любимым и встречается законно, – говорила она, – то совесть ее чиста и поутру женщина хорошеет, выглядит на пять лет моложе. Если же встречается с нелюбимым, да еще и незаконно, так сказать, просто для здоровья, то такая женщина утром очень плохо выглядит. Выглядит на пять лет старше своего возраста.

– А если с любимым, но незаконно? – Спросил я.

Я за язык её не тянул, сама меня называла любимым. В браке с ней не состоял, – именно это она имела в виду, называя «беззаконием» во взаимоотношении полов.

– А если с любимым, но незаконно, – начинала Дагмара придумывать, – то в таком случае женщина начинает меняться на глазах. Вспомнит, что была с любимым, улыбнется, расцветет. Вспомнит, что их взаимоотношения юридически не оформлены и проходят украдкой, урывками и из-под тишка, и тут же нахмурится. Станет вялой, растерянной.

Я не стал ее мучить, спрашивать, какой результат в дан-

ном случае получится: плюс пять лет или минус пять. Посчитала бы за издевательство.

Все учила какой-то немислимой книжной правде, а сама была при этом неискренна. В сущности ребенок, вчерашняя школьница, а ей доверили судьбы людей. И она старалась. Запрашивала самые максимальные сроки из тех, что позволяла статья Уголовного Кодекса. Считала, больше станут уважать. Ведь она государственный обвинитель, а обвинитель должен обвинять.

Не о человеке думала, чья судьба решалась, а о том, чтобы в чужих глазах выглядеть взрослой, строгой и серьезной. На бумаге пять, десять, обычные цифры. А, что это не просто цифры, а годы заключения, об этом и знать не хотела. Не ей же, в конце концов, за колючей проволокой сидеть. У нее «колючка» в виде модной татуировки на предплечье была – и совсем не страшная. «Повышает сексуальный настрой партнера», – как сама она говорила.

И вспомнил я слова друга.

– У тебя такой характер, – говорил он мне, – что ты с любой уживешься. И со змеей, и с голубем.

Уживался какое-то время и с прокурором в юбке, а потом устал. Надоела.

2001 г.

Пророчество цыганки

Глеб Григорьевич Папирусов был когда-то молод и холост и был у него в те времена друг, Костя Никифоров. Гуляли они как-то по рынку, и Костя окликнул цыганку.

– Как теперь её вижу, – говорил мне Глеб Григорьевич, – веришь ли, прямо перед глазами стоит. Настоящей красавицей была. Высокая, стройная, породистая. Костя, подошёл к ней и говорит: «Погадай, чернявая».

Блеснула она глазами. «Этим не занимаюсь. Но, если хочешь знать будущее. Давай, скажу». Костя, видным парнем был, может, через то и пропал. Спрашивает: «Что тебе давать? Какую руку, правую или левую?».

Он к ней, видишь, сразу в наступление, а цыганка своё: «Рука не нужна, всё по глазам скажу».

Спокойно так говорила, уверенно, и в самые глаза его смотрела. Тут, надо признаться, я оробел. Ну, думаю, добра не жди. А она смотрит ему в глаза и говорит: «Если хочешь, красивый, подари три рубля». Дословно запомнил. А глядит, проклятая, так, словно воду с глаз пьёт.

«Нет. Не дам я тебе три рубля, – отвечает Костя. – Мы на них лучше бутылочку купим. Да, пойдём в лес, соловья послушаем. Если увидела что, говори даром».

И она сказала.

Говорит: «Ладно. Скажу главное. Умрёшь ты в тот день,

когда у тебя сын родится. Твой первый и единственный».

Сказала эти страшные слова и словно туман напустила. Мы и не заметили, как ушла. Опомнились, а её, как говорится, уже и след простыл. Тут-то Костя и призадумался. Даже, помнится, стал жалеть, что три рубля не отдал. Я, конечно, утешать, успокаивать. Напомнил, что жениться мы не собираемся, и что с нашими подругами он смерти себе не наживёт.

Чистую правду говорил. С такими встречались, которых озолоти, рожать не станут. Он взвесил все мои резоны, успокоился. Стал улыбаться, даже повеселел. Предложил выпить за его счёт. Я согласился.

Затем пили и за мой. Был и лес, и соловей. После чего все цыганские угрозы стали казаться чем-то далёким, несуществующим – как болезни, перенесённые в детстве.

Родители тебе рассказывают о скарлатине и, слушая их, кажется, что действительно были какие-то недомогания, и даже начинаешь припоминать неприятные ощущения, с болезнью этой связанные, но проходит минута, другая, и ты себе говоришь: «Всё это блажь. Не болел я никогда никакой скарлатиной. Всё это придумали родители для того, чтобы лишний раз показать, как они обо мне заботились».

Точно так же, под водочку и соловьёв, померкли в лесу пророчества цыганки. Всё, снова пошло на лад.

Но как же мы просчитались. Не прошло и года, как Костя познакомился с девушкой, не похожей на наших подруг.

Милая, свежая, с чистыми помыслами. Доверилась она Косте, и очень скоро под сердцем своим, стала носить плод их взаимной любви.

И тут, надо отдать должное её упорству. От преждевременных хирургических вмешательств отказалась наотрез. Как ни любила друга моего, об этом, и слушать не хотела. А, может, именно потому и не хотела слушать, что любила.

В осенний, хмурый, день ей выпал срок рожать. Костя мой впал в безумие. Напившись пьяным, полез по водосточной трубе на второй этаж родильного дома. Сорвался, упал и сломал себе шею. Погиб в тот самый день, когда у него родился сын. Первый и единственный.

1994г.

Проститутка

Впервые я услышал это слово в семь лет. Учился в первом классе и, как-то в воскресенье, пошёл в кинотеатр на фильм «Три мушкетёра».

Для того, чтобы на девятичасовой сеанс купить билет, встал пораньше и был у касс за полтора часа до открытия. Очереди, как ни странно, не было. Был сверстник, перво-клашка Серёжа, в разговорах с ним время и скоротал.

Билеты купили первыми, места оказались рядом. Он этот фильм уже смотрел, и когда на экране появилась Миледи, Серёжа склонился над моим ухом и шепнул: «Миледи проститутка». Переспрашивать, что это значит, я не стал. Вышло, что сверстник умнее меня и знает больше. Но, слово запомнил и решил опробовать его в школе на соседке по парте. Когда в очередной раз мы с ней поругались, а ругались мы постоянно. В ответ на её претензии, я тихо сказал: «ты – проститутка». Одноклассница заплакала и убежала в туалет. Ей, как оказалось, было известно значение этого слова. Лишь я оставался в неведении.

Во дворе, у третьего подъезда, стояла длинная удобная скамейка, на которой собиралась наша молодёжь. Был и я в тот день среди них. Кто пел, кто галдел, кто говорил о всякой всячине и вдруг, все, как по команде, замолчали. Я сначала не понял причины, стал крутить головой по сторонам.

Смотрю, идёт Галя, молодая красивая женщина из третьего подъезда, и кто-то из старших ребят, проводив её жадным взглядом, вдохновенно сообщил, что она проститутка. Тут уж я не выдержал и спросил, что означает это слово. Меня подняли на смех, но потом растолковали, как смогли.

Учился я всё ещё в первом классе. Со сверстниками играл в фантики, в подъезде на подоконнике. Вдруг слышим, входная дверь хлопнула, и кто-то поднимается на лестничную площадку. Мы быстро свернули игру и встали к подоконнику спиной. Дело в том, что нас гоняли. Не разрешали собираться и играть, даже не смотря на то, что я в этом подъезде жил.

Увидев Сашку Королёва, все облегчённо вздохнули и заулыбались. Это был мой сосед по коммунальной квартире, он хорошо ко мне относился, не задирает нос, хотя и был совсем взрослый. Мама ему как-то сказала: «Саша, у тебя глаза, как у вора». Он рассвирепел и ответил: «Никогда больше так не говори».

Это был, пожалуй, единственный раз, когда я видел его сердитым, всегда в любое время он был весёлым и ласковым. Впоследствии за ним пришли трое МУРовцев, одетых для маскарада в телогрейки, и увели его навсегда. Он, как оказалось, действительно был вором.

Тогда же, на лестничной площадке, он предстал перед нами в новеньком чёрном костюме, в белой рубашке, в лакированных чёрных туфельках и не один, а с подругой. Молодая

женщина, стоявшая рядом с ним, была очень весёлая. Сашка, заметив нас, к каждому подошёл, с каждым, как со взрослым, поздоровался за руку. Что-то озорное задумал, улыбнулся и сказал, обращаясь к спутнице: «Покажи им».

Женщина засмеялась и задрала юбку. Мы, все, сколько нас было, не сговариваясь, с криками и хохотом кинулись бегом на выход. Поскорее прочь из подъезда.

Отдышавшись, друг другу рассказывали в красках, кто чего успел рассмотреть. Я ничего не успел заметить, ужаса своего ни понять, ни объяснить не мог. И тогда, как эксперт, суммируя все разрозненные детали, я своим товарищам сказал:

«Знаете, а ведь это была проститутка». Товарищи мои по-раскрывали рты и стали спрашивать, что это такое. Оказалось, не я один был отсталым в этом вопросе.

И я, с видом знатока, припоминая о том, что говорилось мне взрослыми ребятами на скамейке, стал их просвещать.

3.02.1996 г

Психотерапия

Москва большая. Авенир Николаевич Русанов, не уезжая из города, умудрился отсутствовать в районе, где родился и вырос, четырнадцать лет. Все до неузнаваемости изменилось. Он стоял напротив здания, в котором, на его памяти одновременно располагались: аптека, сосисочная, и зубо-врачебный кабинет. Теперь это помещение занимал ресторан «Корабль». Неоновая реклама. У входа пират в замызганном бушлате и треуголке. С повязкой на здоровом глазу и грязной птицей, отдаленно напоминавшей попугая, сидящей на покато плече.

«Должно быть, заведение третьего сорта», – подумал Авенир Николаевич, вздыхая.

Сказать, что Русанов не любил рестораны. Ничего не сказать. Ненавидел. Терпеть не мог. Не посещал. Но, в последние два дня, с тех пор, как получил известие о смерти отца, он совершал такие поступки, которых прежде никогда не делал.

«Завтра похороны, – размышлял он. – Зачем приехал сегодня? Деньги сестре привез? Это, не к спеху. И, что я буду делать у нее ночью? Спать? Не смогу. С мужем ее водку пить? Не желаю».

Страшно было Авениру Николаевичу. Очень страшно. Ему было сорок девять лет. Полтинник без одного го-

да, но это ничего не меняло, он чувствовал себя сиротой. Маленьким беззащитным ребенком, оставшимся без опеки в чужом злобном мире. А главное, об этом страхе нельзя было рассказать ни жене, ни детям, ни сестре. Состояние ужаснейшее. Он сходил с ума.

Авенир Николаевич был уверен, что и сам умрет в ближайшее время. А если и не умрет, то с ним непременно случится что-то страшное, непоправимое. И негде было от всего этого спрятаться, спастись. Страхи не оставляли ни на мгновение, он места себе не находил.

С таким настроением, оставив за спиной человека с птицей на плече, он вошел в двери ресторана.

Ветром с моря в заведении не пахло, стоял запах перегара и чего-то пригоревшего на кухне. При ресторане был бар. Туда-то Авенир Николаевич и направил стопы свои. Забрался на крутящийся табурет, стоящий в ряду подобных у стойки, и у бармена, наряженного в тельняшку и бандану, спросил коньяка.

Справа от него, на таких же крутящихся табуретах, сидели два пьяных мужика, слева две подвыпившие женщины. Каждая компания, мужская и женская, о чем-то своем тихо беседовала и, как это бывает только в сказке, когда поваренок, съев кусочек рыбьего хвоста, начинал слышать и понимать о чем говорят звери и птицы, так и Авенир Николаевич, после выпитого спиртного, стал очень хорошо разбирать то, о чем шептались соседи. Их шепот сделался непри-

лично громким, и он тотчас превратился в невольного слушателя чужих секретов.

– Хорошо в Тайланде, – говорил сухощавый смуглый дядька, сидевший с приятелем по правую руку, – взял рикшу, поехал к гейше. А у нас что? Где культура проведения выходного дня?

– Я за культуру отвечал, – признался его собеседник, маленький, толстенький, лысенький. Я же был депутатом. Такая хорошая профессия была. А, я ее просморкал.

– Так ты – сморкач?

– Да. Я сморкач.

Авенир Николаевич отвернулся от приятелей в другую сторону, там беседовали женщины. Нервная, истеричная дама говорила подруге:

– Мой сейчас на речном трамвайчике калымит. По городской реке возит пьяниц и гуляк. Они его корыто арендуют. Будут всю ночь кутить, веселиться. Ну, и ему с барского стола перепадет. Блюда за ними долизывает, рюмки допивает. Сыт, пьян, а главное, доволен. А меня воротит от такой жизни.

Приняла его за принца в свое время. Я девочка была с идеалами, хотелось чего-то настоящего. Думала, вот-вот и станет королем, а я при нем королевой. Но он вместо короны выбрал колпак, а вместо трона должность шута. Решил, что объедки на заднем дворе вкуснее, чем изысканные блюда на пиру во дворце. Сплетничать о жизни других ему инте-

реснее, чем жить самому.

Отдал предпочтение скотской жизни, решил, что она спокойнее и удобнее жизни героя. На реке ни штормов, ни айсбергов, и при этом всем можно лгать, что ты капитан трансатлантического лайнера. К тому же вымышленный океан рядом с домом и жена под присмотром. А я прямо тебе говорю, изменяю ему назло. Я бы по полгода, по году его ждала, терпела бы и голод и лишения. А вот теперь – назло. Если говорит: «Отправляюсь в кругосветку», значит, их арендовали на сутки. Он в «кругосветку», я в ресторан. Так и живем. Откувыркаюсь ночью с чужим мужичком и на какое-то время успокоюсь. А про себя приговариваю: «Чтобы знал, что за все надо платить. Предал свою высокую мечту, за которую тебя полюбила. Так, и я предам тебя. Обманул мои надежды, так и я твою веру в меня обману». А как же иначе?

– Иначе никак, – поддержала подругу дама в рыжем парике. – Я и дочке своей всегда об этом говорю. Не слушает. В дом чужого человека привела. Зять-то пришел, гол как сокол. С собой принес старого кота по имени Мохнаткин. Имя на фамилию похоже, но у котов же не бывает фамилий. Так, перво-наперво коту постелил постельку, а потом уже стал с нами знакомиться.

Сказал: «Вижу, вы люди простые, добрые, значит, будем жить дружно, в мире и согласии». В тот же день напил-ся, и бить нас принялся. Когда стали защищаться, заорал: «Да, вы на кого руку подняли? Вы, что, рамсы попутали?».

А утром плачет: «Ничего не помню, был куклой в руках сатаны. Служу». Спрашиваю: «Где?». «Не где, а кому. Сатане лукавому». Все, говорю, ему служим, это не оправдание тому, чтобы бить жену и ее родителей. Если уж не вмоготу и кулаки чешутся, бей своего кота Мохнаткина. «Да, что вы за люди такие? Разве это мыслимо?». Кота, стало быть, жалко, а жену и родителей ее не жалко.

Авенир Николаевич крутанулся, соскочил с табурета и пошел в зал ресторана.

Белый кот, с отрубленным хвостом, медленно прохаживающийся по дубовому паркету, картинки с изображением фрегатов и корветов, развешенные по стенам, по углам зала пальмы в кадках, высокий потолок с массивной люстрой под хрусталь, белые матерчатые скатерти.

Атмосфера, в целом, была располагающая. Были свободные столики.

Не успел он сесть за один из них, тотчас подбежал официант в тельняшке.

– Что прикажете? – Театрально спросил он, льстиво улыбаясь.

– Куриную котлету, салат и водки хорошей грамм полкило, – выпалил Авенир Николаевич фразу из какого-то плохого фильма.

– Только ром. За нарушение морских законов нашего брата немедленно отправляют за борт. Котлету не советую, попробуйте солянку.

– Несите солянку и ром. Тысяча чертей!

«Морячок» быстро убежал и столь же быстро вернулся.

Был очень проворным.

Не успел Авенир Николаевич выпить и закусить, как к его столику подошел невысокий плотный мужчина приятной наружности. Темные волосы, зачесанные назад, одесские усики, белая рубашка с отложным воротничком, костюм с иголочки, туфли по последней моде, ласковый взгляд, бархатный голос.

– Позвольте ли присесть за ваш столик? – Вежливо поинтересовался он.

Авенир Николаевич беглым взглядом окинул зал, свободных мест не было. Приходилось мириться с соседством.

Импозантному молодому человеку, наплевав на морские законы, тот же самый официант принес и водку, и закуску, о которой можно было только мечтать, и зажженную свечу в бронзовом подсвечнике.

Когда официант ушел, сотрапезник представился:

– Роман Амуров. Я здесь завсегдатай. Не удивляйтесь, если обращаясь ко мне, станут называть Рамоном, Альваресом, Мартинесом или Ларго. Это все мои псевдонимы. Разрешите вас угостить. Не побрезгуйте.

Амуров угостил Авенира Николаевича явствами, выпили за знакомство, а далее как-то вполне обыденно, естественно, Роман стал рассказывать о своих женщинах.

Авенир Николаевич поймал себя на мысли, что при всем

том, что альфонсов и ловеласов терпеть не мог, откровения Амурова слушал с интересом и воспринимал услышанное с благосклонностью.

– Вспоминая раннее детство свое, – говорил Амуров, – тот период жизни, когда при помощи кусочка золотца и осколка стеклышка я делал «секрет», спрашиваю себя: «Неужели уже тогда, в том нежном возрасте, я был обречен на беспокойную, неудобную „матросскую“ жизнь?». «Матросскую» в смысле «поматросил и бросил». Конечно, не всегда было так, что я бросал, случалось, бросали и меня. И чаще всего со мной расставались именно тогда, когда я начинал заговаривать о браке.

Говорят, что каждая женщина втайне мечтает выйти замуж. Слышал и такое: «Сначала женись, а потом уже все остальное». Дескать, так они говорят ухажерам. Не знаю. Возможно, тридцать лет назад так оно и было, а сейчас, поверьте, все обстоит иначе. Говорят: «Все, что хочешь, со мной делай и как хочешь, но только о браке не заговаривай, – и, как бы в оправдание, добавляют, – мне об этом думать еще рано. Жизнь проходит, нужно торопиться жить». То есть замужество для них, все одно, что могила.

Жизнь, она, как известно, проходит, дни мелькаю, бегут года. И я, представьте, в последнее время все чаще стал задавать себе одни и те же проклятые вопросы: «Кто я такой? Кто мы такие? Являемся ли мы представителями касты вечных женихов и вечных невест, живущих только ради плот-

ских утех и сомнительного рода удовольствия?». И, подумав, всякий раз отвечаю себе: «Да. Это так».

Горько признаваться, но этот заколдованный круг был и есть круг моего общения, так сказать, среда моего обитания. И мне уже не разорвать его, из него не вырваться.

Они выпили ещё по одной, и Амуров продолжил.

Этот Рамон Альварес Мартинес Ларго рассказал Авениру Николаевичу всю свою биографию, через призму своих взаимоотношений с женщинами. С ранних лет и юных дев, до настоящего времени и опытных вдовушек включительно.

В его увлекательные истории Русанов погружался с головой. Смеялся и плакал над рекордами и курьёзами, не замечал, как пил, и как обновлялся стол. Опомнился, услышав слова Амурова:

– Здесь бы поставить точку и попрощаться, но хочу сказать еще пару слов. Поверьте, меня никогда не прельщала слава Казановы или Дон Жуана. В ранней юности такие «гусары», как я, которые, как вошь лобковая, скачут с одной на другую, кажутся героями, счастливчиками, победителями. Но это обман. Никакой я не счастливчик и не герой. Я слабый человек и именно поэтому так много женщин было в моей жизни. Было много, да ни одна не стала моей. И мне ни одной не удалось удержать, чем-то заинтересовать. Не победитель я, а проигравший.

С этими словами Роман встал из-за стола, откланялся и, обняв за талию рыжеволосую подвыпившую женщину, давно

уже вертевшуюся у их столика, пошел с ней на выход.

«Психотерапевт! – закричал в Русанове внутренний голос, – настоящая психотерапия! И все это его вранье, все эти выдуманные, а, может быть, и всамделишные бабы спасли меня! Я был, как тот официант сказал: „выброшенным за борт, в открытое море“, и что же случилось, что произошло? В открытом море меня подобрал корабль. И Рома-морячок со своими баснями, и кот бесхвостый, может быть, Мохнаткин, и официант – прохвост, и Одиссей с речного трамвайчика, о котором подруге говорила в баре ресторана блудливая жена. Они, все вместе, сделали невозможное. Они совершили великое божеское дело – вернули к жизни».

Авенир Николаевич совершенно уже излечившийся от недавних страхов, не твердой, но уверенной походкой замаршировал к выходу, вслед за Рамоном Альваресом Мартинесом Ларго. Он теперь точно знал, что со смертью отца собственная жизнь не заканчивается, что впереди еще много интересного и увлекательного.

Хотелось только двух вещей. Приобрести как можно скорее тельняшку и во весь голос крикнуть: «Полундра!». Если же с ним что и случится, то на этот случай всегда есть корабль, тот, что обязательно подберет, есть спасательный круг в лице приятного собеседника, который не даст утонуть, захлебнуться горем.

Авенир Николаевич Русанов вновь обрел самого себя.

10.10.2010 г.

Расстроили

В тихом омуте черти водятся. Сказано про Таню Орешкину. Была у меня такая невеста. И умница, и хозяйка хорошая, и сама по себе добрейшей души человек. Тихая, кроткая, никогда никому грубого слова не скажет, никогда ни на кого голоса не повысит.

А услышит грубое слово в свой адрес – смолчит, стерпит, или тихо заплачет. И все. Все! Вот какая она была. Конечно, я хотел на такой жениться. Все меня устраивало в Тане Орешкиной. Не стану скрывать, что мы с ней сошлись, и какое-то время уже жили вместе. Все разговоры были только о предстоящей свадьбе, о свадебном путешествии, о том, кто какой себе подарок на свадьбу хочет получить. Самые приятнейшие беседы вели. В самом безоблачном, в самом благодушном, настроении пребывали.

Омрачало одно. Сволочь и подлец, её начальник. Таня его ненавидела, но вынуждена была терпеть, так как не истек срок заключенного ею контракта. Я предлагал ей разорвать контракт и бросить постылую работу. Всей душой, всем сердцем своим она к этому решению склонялась, но до окончания срока, оговоренного в контракте, оставался всего один месяц. Она решила потерпеть. «Месяц май отмаюсь и уйду», – говорила Таня. Я был этому безумно рад. Не ходил, а летал. Был счастлив.

И тут, на девятое мая, я приехал к ней ночевать. Хотел сделать сюрприз. Приехал, а Тани дома нет. Перед этим звонил ей от друзей, сказал, что заночую у них, в их загородном доме. Ну, думаю, празднует с сослуживцами. Ключи от квартиры у меня были. С Таней жили то у нее, то у меня, то порознь. Порознь жили не потому, что ругались, а по работе, по делам.

Я вошел, принял душ, погасил свет и лег в постель. Лежу, жду хозяйку. Ожидаю ее уставшей, замученной. И вдруг входная дверь с грохотом раскрывается, слышится громкий пьяный смех. Я даже не сразу догадался, что это смех Тани. При мне она никогда так громко, так развязно не смеялась. Затем мужской фальшивый гогот, чмоканье, звук влажного страстного поцелуя и, словно в насмешку надо мной, Танины слова:

– А я в тебя с первого взгляда влюбилась, начальничек мой. Как только пришла устраиваться на работу, как только увидела тебя, так сразу же голову и потеряла.

– А я это заметил, – говорил самодовольный мужской голос.

И снова чмоканье, возня. Я от такой наглости, от такого неожиданного признания просто стал хохотать. И хохот был такой сильный, что ему мог бы позавидовать оперный бас, исполняющий арию Мефистофеля в опере «Фауст».

Хозяйка и гость сразу притихли, да так и остались стоять в прихожей, не решаясь войти в комнату.

Я включил свет, оделся и, не глядя на них, ушел.

Я современный человек, всё понимаю. Но, всему есть предел. Вела бы сразу такой образ жизни, я бы к закидонам относился спокойно. Так заявила же себя совершенно другой. Я на другой хотел жениться. Не на такой. Уже настроился, а тут... Расстроили.

С Таней я расстался.

2000 г.

Рассуждения

– Странная штука жизнь, – говорил мне Ефрем, – дети рождаются и вынуждены жить среди тех, с кем, может быть, и жить не желают. Лично я с самого детства испытывал неловкость оттого, что мне называться следует именем Ефрем, а фамилией – Горюнов. Все это мне казалось неестественным.

Не ощущал я себя ни Ефремом, ни Горюновым. И потом такая ситуация. Тебе говорят. Это твои братья, дяди и тети. Все люди неприятные, чужие и непонятно, за что они от меня требовали любви. И почему я их, мне неприятных, чужих, должен был любить. «Ближе них у тебя нет никого, – втолковывала мать, – подрастешь, поймешь».

Чего мне подрастать, если я и так вижу, что они мне чужие? Ну, и подрос, все подтвердилось так, как это я еще в раннем детстве понимал. Что к братьям, дядькам, теткам? Я и к родителям любви не имел. Впрочем, родители любви не требовали.

Лет в пять я серьезно стал задумываться о том, почему мои родители именно эти, а не другие? И мог бы я родиться в другой семье, с другим именем и фамилией?

В детстве много мыслей, много вопросов. Подрастая, человек ни на один из главнейших вопросов ответов не находит. Он просто перестает их себе и другим задавать. Это на-

зывается – поумнел. Называется – пришла мудрость. А ведь все неясно, буквально все. Почему в детстве время летит медленнее, почему больше пространства вокруг тебя?

Мудрец скажет: «Потому, что ты был маленьким, вот тебе и казалось, что все вокруг большое, а время бесконечное». Нет, я не могу принять такой ответ. А ответ мне, что там, за гробом? Откуда мы приходим и куда уходим? Почему миримся с тем, с чем мириться нельзя, и в то же время мирно жить не умеем? Почему живем хуже скотов бессловесных, ненавидя друг друга?

Ну, что я мог ему на все это ответить? Что один дурак может задать столько вопросов, что и сто мудрецов не ответят? Обидится. Я молчал. Я сам на многое не нахожу ответа. И так же, как Ефрем, все еще продолжаю себе и другим задавать вопросы.

2001 год

Реализованный шанс

Молодой продавец разговорился с, задержавшейся у витрины, юной покупательницей. Обнаружив взаимную симпатию, незаметно переходя на «Ты», он спросил:

– Хочешь историю о том, как мой отец стал директором этого магазина?

– А что? Давай, – подумав, ответила покупательница, и представилась, – Меня Таней зовут.

– Очень приятно. Богдан. Понимаешь, отец мой честный человек. Собственно, только поэтому его директором и назначили.

– За честность и порядочность? – Рассмеялась Таня. – Нет. Такого не бывает.

– Слушай. Это стопроцентная сказка, со счастливым концом. Хозяина магазина зовут Черноусом. Он в семье самый младший. Их, в семье, три брата. Когда его отец умер, оставив огромное состояние, то старшие братья всё забрали себе, с ним не поделились. На бедность, кинули этот магазин. Он сейчас, как новенький, а лежал в руинах, как после бомбёжки.

Черноус стал магазин восстанавливать, братья на бирже играть. Ни копейки на ремонт, ни какой поддержки. Он в долги залез, проценты платил огромные, но магазин поднял из руин. А, они проигрались в пух и прах. Остались ни

с чем. Пошли на поклон к младшему брату. Попросились на должность содиректоров, в его магазине.

Не на улице же их оставлять. Всё же братья родные. Хоть и обошлись с ним по скотски, решил дать им, как говорят в американских фильмах «Ещё один шанс».

В это время учителям в школах зарплату платить перестали. Чтобы как-то кормить семью, решил мой отец устроиться продавцом. Но он сразу предупредил, что врать и воровать не умеет. Братья Черноуса над ним посмеялись и поставили торговать гнилым мясом.

Подошла старушка, спросила:

– Мясо свежее?

– Нет. Не свежее. С душиком, – сказал отец.

– Спасибо, миленький, – похвалила старушка, но мясо покупать не стала. А кошелек, вместе с пенсией, на прилавке забыла.

Братья Черноуса кошелек взяли. Отцу сказали, что найдут ее и кошелек отдадут. А тут старушка сама возвращается. Спрашивает у отца, не видал ли. Он и показал на братьев. Пришлось им вернуть находку, но, после этого они на отца окончательно разозлились.

Сказали:

– Что, не мог промолчать, или сказать «не знаю»?

– Я же, устраиваясь на работу, вас предупреждал, что врать и воровать не умею.

– Ну, тогда так. Доторгуешь этот день до конца, и чтобы

духу твоего в магазине не было. Нам с тобой не сработаться, вместе не ужиться. Или мы, или ты. Понял?

– Понял.

– Запомнил?

– Запомнил.

– Ну, а если запомнил, то выполняй. Наше слово нерушимо, – смеясь, сказали братья, и пошли в свой кабинет водку пить.

Подошел к отцу другой покупатель, спросил:

– Мясо свежее?

– Нет. Не свежее, – ответил отец.

– А почему свежее не продаете? – Поинтересовался покупатель. – Я же видел, как утром привезли целую машину свежего мяса.

– Братья-директора велели доторговывать.

– Что значит «доторговывать»?

– Сначала продать тухлое, затем подтухшее, а затем уже свежее. Так что за свежим приходите через три дня.

– Но оно же пропадет, за три дня. Морозильник не рассчитан на хранение такого количества.

– Я не директор. У меня директора братья Черноуса. К ним обращайтесь.

И покупатель к ним обратился. Оказывается, это и был сам Черноус. Братья его уверяли, что продавец лентяй, и что тухлое мясо в России всегда можно продать.

– Ну, так и вставляйте на его место. Покажите мастерство, –

сказал Черноус, – а он с сегодняшнего дня будет директором магазина вместо вас.

И тотчас, заручившись согласием родителя, оформил его на должность директора. Сказал, что судьбу братьев отдаст на его усмотрение. Как тот скажет, так и будет. Оставит продавцами – останутся. Прогонит, значит, так тому и быть. И тогда отец передал Черноусу слова его братьев, которые он запомнил: «Или мы, или ты».

Черноус сказал:

– Так тому и быть. Ты теперь директор. Увольняй.

И отец их уволил. Даже грузчиками не оставил.

Им на пользу пошло, бросили пить, на завод вернулись, к забытым станкам. Такая история.

Отец до сих пор директорствует, а я на его месте, торгую свежим мясом. Но, мечтаю учительствовать.

– Всё у тебя получится, – светло улыбаясь, сказала Таня.

2008 г.

Ругатель

Приехал я смотреть жилплощадь, комнату в квартире, которую хотел взять внаем. На пороге встретил хозяин и прежде показа комнаты, стал знакомить со своим семейством:

– Рекомендую, главный свинарь, мой тестюшка.

– На свиноферме работаете? – Робко поинтересовался я.

– Да нет, – ответил за тестя зять. – Я его так величаю за то, что мусорит, где ни попадя. Ну, натуральный свинарь, другого слова не подберешь. А это Клавдия Васильевна, чистюля. Эта наоборот, свихнулась на чистоте, попробуй у нее нож не на свое место положи, или тюбик зубной пасты не закрути, все мозги закрутит, с белого света сживет.

Это жена моя, первая ленивица города, такую еще поискать. Будет умирать с голоду, но не встанет, куска хлеба себе не отрежет. Дочь наша – «пустое место», с ней можно год в одной квартире прожить, да так и не заметить ее присутствия. Сынулька – «полное ничтожество». Ничего не хочет, ничего ему не надо, только б книги читать. Уткнется носом и читает, и днем и ночью. Сколько электричества сжег, одному Богу известно.

– Понятно, – робко сказал я. – Ну, а вас как звать? Вы же не представились.

– Ругатель! – В один голос сказало семейство и прибави-

ло. – Ругатель всего и вся.

Взять комнату внаём, после такой рекомендации, я не решился.

2001 г.

Рукодельница

Ольга Изюмова была из Новомосковска. Как-то шли мы, прогуливаясь по праздничной Москве, и заметили на асфальте детские рисунки.

– Смотри, какие разноцветные шары дети нарисовали. – Сказал я. – Все с умом, с расстановкой, по-взрослому.

– Да. Красиво, – с грустью в голосе сказала Оля. – Когда есть в наличии радужные мелки, с ними немудрено праздник нарисовать. А у нас на шахте был только черный уголь. Им и печки топили, им и картины рисовали. Черными были рисованные люди, рисованные шарики. И сами праздники были черные, как уголь.

– Не беда, – попытался я как-то приободрить ее, – хуже от этого ты не стала. У нас, в моем детстве, тоже не было разноцветных мелков. Да, и белый-то был не у всех. Девчонки нарисуют квадратики, чтобы в классики играть и тут же спрячут мелок в карман. Так, что битым кирпичом рисовали. Не здорово, зато фантазия работала. Что-то постоянно придумывали, мечтали. У современных детей все есть. Им нечего хотеть, не о чем мечтать. Так, что не себя, а их жалеть нужно. Черный уголек заставил тебя думать, человеком сделал. Рукодельницей.

– Да, – согласилась Ольга, раскрасневшись от моей похвалы.

Оля и в самом деле была рукодельница. Сама себе шила. Вышивала и гладью, и крестиком, и по-всякому. Куклы делала своими руками, мастерила игрушечных зверей. Только дома у нее их было больше сотни, больших и маленьких. И цыплята, и котята, и мышата, и такие, что названия не подберешь. Меня всего обшила, обвязала.

И все бы хорошо, но была у нее одна незаживающая рана, – ее брак. Счастья, в котором не познала. Единственная попытка создать семью с треском провалилась. После чего о замужестве и слышать не хотела. Боялась повторения пройденного.

Бывший муж, на протяжении всей их совместной жизни, упрекал Олю за то, что взял ее «не честной», то есть не девственницей. Каждую минуту, по поводу и без повода, повторял: «Тебе не привыкать». Я Олю успокаивал, говорил, что муж ее плохо был воспитан и будь я на его месте, никогда бы подобного себе не позволил.

Муж был страшным человеком. А страшные люди страшно ревнивы. Временами его ревность проявлялась в самых безумных поступках. Например, однажды Оля проснулась и увидела, что прямо на нее летит кресло. Не стул, не табуретка, а целое кресло. Она еле успела закрыться руками.

А однажды муж, также из-за необоснованных подозрений и безумной ревности, самым настоящим образом топил ее в реке. Всю свою жизнь она в одно мгновение увидела так, как это должно быть, только перед смертью бывает. После

этого ее два часа тошнило и рвало тиной, илом и водорослями. Ее отец, как узнал об этом, не разобравшись, не спросив дочь родную о том, виновата она или нет (только на одно ума и хватило), сказал: «Правильно делаешь, дочка, изменяй ему».

Последней каплей стал Новый год, когда она у больного отца заночевала. Муж знал, что тесть при смерти, но решил, что это очень удобная уловка и снова приревновал. Он избил Ольгу так сильно, что все ее лицо превратилось в один сплошной синяк. Оля заявила в милицию, его взяли, подержали два дня в отделении и отпустили. И только тогда подала на развод. А, так все терпела.

Немудрено, что после такой жизни в законном браке она ни с кем не торопилась регистрироваться. А я, наоборот, очень хотел узаконить наши отношения. Только по этой причине мы и расстались. На память подарила мне Ольга Изюмова куклу, в которой я без труда смог опознать самого себя. Так и сидит теперь «двойник» у меня на диване, стережет квартиру, когда никого нет дома. Ольгу Изюмову всегда вспоминаю, как самую добрую, самую кроткую, самую прелестную женщину.

2001 г.

Русалка

Это история о том, как я не женился, хотя и любил.

Русалка Ивановна Аникеева – таким было полное имя моей возлюбленной.

Познакомился я с Русочкой на дне рождения двоюродного брата. Он пригласил к себе весь курс, были даже педагоги. Я задержался, пришел с опозданием. Веселье было в полном разгаре, но из-за стола ещё никто не вставал, до танцев дело не дошло.

– Даже и не знаю, как тебя представить, – сказал брат, подводя меня к «пьяному» столу.

– Представь таким, какой есть, – сказал я и пошутил, – человеком с отталкивающими и отрицательными свойствами.

– В толковом словаре, – сказала Русочка, приятным грудным голосом, – под такое определение подходит слово «ублюдок». Во втором значении.

– У блюда и посадите, – продолжал я свою игру. – Скромность. Врожденная скромность не позволила сразу отрекомендоваться этим именем.

Меня посадили рядом с ней. У нее была толстенная русая коса, розовые щеки с ямочками и синие бездонные глаза, в которых резвились бесенята.

Сразу после нашего знакомства она сказала мне:

– Зови меня Русочкой. Русью зови.

Красивая, пышущая здоровьем, сразу же мелькнула мысль, что если доведется спать с ней в одной постели, то буду представлять, что сплю с самой Россией, с прообразом Ее. Аж, дух тогда перехватило.

Склонившийся надо мной брат спрашивал:

– Шашлычка поедим?

– Из убоинки? – Продолжал я, по инерции, шутить.

– Из мяса убитого скота, – подыграл он мне.

– Какая прелесть. Не откажусь.

Брат ушел, а на другом конце стола затаили: «Ой, мороз, мороз».

– Моя любимая песня, – сказала Русочка, – она была первой в моем песеннике.

– У вас есть песенник?

– Был. Хороший, красивый, еще со школьных времен. Я его украшала, разрисовывала.

– А посмотреть песенник можно будет?

– К сожалению, нельзя. Его папаня отдал кому-то за бутылку водки.

– Папаня – алкоголик?

– Он фантазер. Как выпьет, все мечтает: «Куплю ружье, пойду в лес, убью медведя, сниму шкуру, сошью шубу. В шубе женюсь на богатой. На ее деньги куплю тройку вороных, красивые сапоги и гармонь двухрядку. Заживу широко, на всю Ивановскую».

– Не обижайтесь, – говорю, – не унывайте.

– Нет, что Вы. Обижаются и унывают люди слабые, ипохондрики. По-русски говоря – нытики. Я не из таких.

– Вы с моим братом в университете учитесь?

– Да. Мы на одном курсе.

– И чему вас учат?

– Медведя к столбу привязывать.

– Это еще к чему? Что за наука?

– Вы, сами шутить любите, но шуток не понимаете.

Вечером, наевшись, напившись и натанцевавшись, пошли купаться на Москву-реку, где я чуть было не утонул. Нахлебался воды речной, пресной. Спасла меня Русалка. Оказывается, русалки не только топят, но и спасают.

Русочкин отец, Иван Силантьевич, оказался не только фантазером и мечтателем, но и крупным руководителем. Он, как это и присуще людям, занимающим высокий пост, не стал рассусоливать, взял сразу быка за рога. Под «быком» себя разумею.

Он сказал:

– Чего ты кочевряжишься? Другой такой в мире не найдешь. Женись. Получите отдельную квартиру. А, тебе лично, я подарю последнюю модель «Жигулей».

Я покраснел и, не подумав, ответил:

– Я люблю ее. Я очень ее люблю. Мне не нужны «Жигули». Купите «Волгу», тогда женюсь.

Он посмотрел на меня с интересом, усмехнулся и согласился.

Тут уж и я, хорошенько подумал, извинился и отказался. Отказался от слов и от Русалочки.

Молод был, хотелось все же самому как-то на ноги встать. Самому, заработать на машину. Чтобы все было честно, без торга. Тем более, что я ее любил. А если проще, Русалочка торопилась замуж, а я тогда жениться не спешил. Разные были устремления, жизненные установки. Так бывает. Люди любят друг друга, а жизненные установки не совпадают. И приходится им расставаться.

И мы с Русалочкой расстались.

2001 г.

Рыбачка

У Леонида Утесова, в популярной песне о Косте-моряке была рыбачка Соня. А у меня, в моей жизни, далекой от песни, была знакомая – рыбачка Катя. Катерина Судакова. Баркасами, как это делала в песне Соня, она управлять не умела, а вот на удочку и спиннинг рыбку ловила с большим искусством. И то сказать, постоянная практика с семи лет, когда отец впервые взял ее с собой на речку и дал в руки удочку. Пятнадцать лет непрерывного рыбачьего стажа.

Так и подмывает соврать, сказать, что и познакомились на рыбалке, но – нет, лгать не стану. Познакомились мы с ней в магазине. Катя там работала продавцом, а я в магазин пришел за покупками. И разговорились.

– Дайте хлеба черного буханочку, – сказал я, не глядя на Катю, глазами бегая по полкам с мыслью о том, чего бы еще купить. Это, видимо, ее сильнее всего и задело, то есть, что я на нее никакого внимания не обращал.

– Дать не дам, – зло ответила она, – могу продать.

– Ну... Так... Это и имелось ввиду, – стал оправдываться я, – неужели не понятно?

– Нет. Представьте, – нет. Я поняла вас так, что корочку хлебушка за Христа ради просите. Тот, кто хочет купить, говорит: «Продайте».

– Интересная вы девушка.

– Девушку Екатериной Судаковой зовут. Можно просто – Катя.

– Да, Катя. С вашим языком и темпераментом здесь долго не задержитесь.

– А я и не намерена держаться за работу. Пусть работа держится за меня.

– Вы холостая? – Сам, не зная, зачем, поинтересовался я.

– Холостыми бывают патроны, а девушки незамужними. Если вас это интересует, я не замужем, – ответила Катя и, тут же предложила поехать с ней на рыбалку.

Ее предложение было настолько неожиданным, казалось таким неправдоподобным, что я согласился. И, надо сказать, не пожалел. Смущало одно обстоятельство. Мужчины, как правило, тянут женщин с собой на хоккей, на футбол, на рыбалку, а в нашем случае инициатором подобных походов была она. И это не было притворством, желанием угодить, это был ее образ жизни.

Мне только наказывали, что из съестного купить, чем запастись. До сих пор список «продуктовой корзины рыбака» помню наизусть. Проверяйте: два окорочка, буханка черного хлеба, соль, пшено – одна пачка (для ухи), чай – одна пачка, вермишель мелкая – одна упаковка, две банки тушенки, зелень, лук, чеснок, килограмм картошки (тоже для ухи), специи, помидоры, огурцы, полкило сухофруктов, килограмм сахарного песка и четыре бутылки водки.

Помню, в первый раз, когда услышал о таком количестве

водки, забеспокоился, стал роптать.

– Не много ли? – Говорю. – Не станут нас после четырех бутылок потом с собаками искать?

– Не много, – спокойно, со знанием дела, ответила Катя, – на три дня не много. Мы же в пятницу едем и только вечером в воскресенье вернемся.

И как в воду глядела – водки нам не хватило. У костра, на свежем воздухе, под уху, под песни (Катя сочиняла удивительные стихи и, аккомпанируя себе на гитаре, их пела для меня), выпили за два дня и не заметили.

В другой раз взяли пять бутылок и ни одной не выпили, не до этого было, провалялись все три дня в палатке. И, такое бывало. Назад водку не повезли, закопали в укромном месте, через неделю предполагая туда вернуться. До сих пор, наверное, там лежат. На то место больше не ездили. Зато поехали по другим, мыслимым и немыслимым рыбачьим местам. После чего у меня появилось подозрение, что Катя родная сестра Карлсона, тоже имеет в себе вделанный моторчик. С той лишь разницей, что у сказочного обжоры и любителя варенья он располагался на спине выше пояса, а у Кати, чуточку ниже.

Ну, не сиделось ей на месте, слишком была беспокойная. Как я ее ни успокаивал, так до конца успокоить и не смог. Из медицинского института выгнали, из магазина, как я и предрекал, тоже попросили по-хорошему. Как ни позво-нишь, или на рыбалке (одна ездила, я часто ездить не мог),

или на футболе-хоккее, в зависимости от сезона (тоже мне увлечение для девушки), или взяла велосипед и «десятку» с подружками накручивает.

«Десять километров раз в неделю – это святое», – такие слышал я от Кати слова. Как-то, узнав про очередную велосипедную прогулку, я не выдержал и закричал в телефонную трубку:

– Ты скоро превратишься в павиана. У тебя от этого велосипеда скоро зад делается огненно-красным, как у этой обезьяны.

Не обиделась, только рассмеялась, любила меня.

И все же страсть к рыбалке у нее была на первом месте. Была в крови. Ничего подобного, женщину-рыбака имею в виду, ни до, ни после Катерины я не встречал. Из-за этой чертовой рыбалки мы с ней, в сущности, и расстались.

Говорю, учись, готовься к передаче экзаменов, какой там, «червяков копать надо». Ну, думаю, и копайся и ищи в земле своих червяков. Того и гляди, скоро сама червяком станешь. Склует какой-нибудь вороненок всю без остатка, вместе с моторчиком.

Прошу понять. Для меня рыбалка хороша исключительно как отдых, и то, в дозированных, ограниченных количествах. А, для нее рыбалка – это не отдых, не страсть и даже не любовь, а сама жизнь. «Если мой котенок рыбу не ловит, значит, мой котенок не живет», – говорил о Катерине ее отец и был прав.

Каких только чудес не бывает на белом свете. Для меня Катя Судакова – восьмое чудо света. И пусть у нее ловится рыбка большая и маленькая, пусть поплавок уходит под воду и колокольчик на «донке» звенит без умолку. А мы, чтобы ей не мешать, пойдем своей дорогой. Не хочу. Нет никакого желания, на Катю-рыбака смотреть даже издалека.

2001 г.

С носом

Диана работала в зоомагазине. Я часто заходил в этот магазин, покупал рыбкам корм, заговаривал с продавщицами. То есть и с Дианой долгое время отношения были сугубо деловые: «Заплатите в кассу, и я вам взвешу мотыля». Она продавец, я покупатель, «здравствуйте, до свидания». И все.

А затем я встретил ее в нашем парке, на празднике, во время народных гуляний. Диана шла с подружкой. Наряженная в модное пальто, в газовой косынке на шее, в сапожках на высоких каблуках, совсем другое дело. Я ее увидел не просто в солнечном свете, я ее увидел в «другом свете» и, наконец, рассмотрел. Оказывается, и ей ничто человеческое было не чуждо. Ей так же, как всем, хотелось нравиться, влюбляться и жить полнокровно. А то, что временно она торговала червяками, так это было не призвание, а наказание для нее. Ее каторга.

Разговорились, и познакомились вторично. Уже не как покупатель с продавцом, а как молодой человек с милой девушкой. Её подруга, умница, под вымышленным предлогом нас покинула. А мы, купив и надев поролоновые клоунские носы на резинках, гуляли, смотрели представления, общались. Потихоньку притирались душами, если можно так выразиться. И притерлись. Стали вскоре тереться телами.

Я стал заходить в зоомагазин, каждый день.

Не только продавцы, но и звери, томящиеся в клетках, стали мне, как родные. Особенно понравился мне молодой попугай какаду, белый с желтым хохолком. По имени Федя. Но, он дорого стоил. Всякий раз, заметив меня у своей клетки, он жалобно кричал: «Забери меня отсюда». Не человеческими словами просил, говорил по-своему, по-птичьи, но я его понимал. Понимал, но ничем помочь не мог. В конце концов нашелся какой-то богатый «пират», купил его в свою личную собственность, хватило «пиастров» разбойнику.

Так получилось, что вскоре забрали из магазина и Диану. Возможно, тот же «пират», который купил попугая. Он устроил ее к себе секретарем, а потом и женился на ней. Я остался с носом. С поролоновым носом, который с Дианой купили в парке, под шум и веселье народных гуляний.

2002 г.

Саломея

* * *

С Саломеей я познакомился благодаря Яше Перцелю. Он попросил занести своей знакомой книгу «Архип Куинджи, репродукции с комментариями специалистов». Сокурсник мой куда-то торопился или просто делал вид, что торопится, он умолял меня ему не отказать. Я только потом узнал, что с этим возвратом книги все было гораздо сложнее или проще, с какой стороны смотреть.

Яша взял книгу на один день и не возвращал ее полгода. Затем стал приходить к Саломее с одной и той же отговоркой: «Нес тебе книгу, а точнее, думал, что несу, а на самом деле забыл ее дома. Пока шел, замерз, на улице холодно, чайком не угостишь?». Он пил чаек, что-то рассказывал, и с вождением поглядывал на Саломею. Вся его трагедия состояла в том, что Саломея ему нравилась, а он ей был безразличен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.